

ЭЛЬДАР
ВЯЗАНОВ
ЭМИЛЬ
БРАГИНСКИЙ

СТАРИКИ -
РАЗБОЙНИКИ

Annotation

Следователя прокуратуры Мячикова коллеги активно выталкивают на пенсию. Его старый друг — инженер Воробьёв — разрабатывает план похищения картины из музея и виртуозного разоблачения "преступников", что должно послужить доказательством незаменимости его друга на службе...

- [Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов](#)

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

**Эмиль Брагинский, Эльдар
Рязанов
Старики-разбойники**

Глава первая

Люди делятся на тех, кто доживает до пенсии, и на остальных. Пенсия – это сумма денег, которую безвозмездно выплачивают в период между окончанием работы и окончанием жизни. Человек, которому платят за то, чтобы он не работал, называется пенсионером. Пенсионеры бывают союзного значения, республиканского значения, местного значения и те, кто значения не имеют.

А старость надо уважать, хотя бы потому, что каждый, если повезет, станет стариком или старухой...

Николаю Сергеевичу Мячикову повезло. Неделю назад ему исполнилось шестьдесят лет.

Внешность у Николая Сергеевича была такая же, как возраст, а фамилия такая же, как жизнь. Мячикова швыряли, гоняли, пинали и, случалось, надували. Но, несмотря на это, на лице Николая Сергеевича светились голубые, детские глаза. По ним можно было догадаться, что Николай Сергеевич – человек добрый, мягкий, доверчивый, ясный и поэтому недалекий. Совершенно непонятно, как человек, обладающий такими качествами, мог работать следователем по уголовным делам.

В следователи Мячиков попал не по своей воле. Когда он учился в юридическом институте, то мечтал стать адвокатом и произносить речи, от которых рыдали бы и судьи и преступники. Но в то время адвокаты были не нужны, а следователей не хватало. И Мячикова направили работать следователем. Он попросил, чтобы его послали на борьбу с уголовниками. Шли годы... Кривая преступности неуклонно ползла то вниз, то вверх. Менялись начальники Мячикова – районные прокуроры, тоже ползли то вверх, то вниз, а

наш Мячиков достиг должности старшего следователя и застрял.

Семнадцатый начальник Мячикова, Федор Федорович Федяев, вызвал однажды своего подчиненного и сказал:

- Николай Сергеевич, ограбили обувной магазин! - При этом Федор Федорович улыбнулся. - Украли так много сапог, что хватило бы на женский кавалерийский полк!

- А разве женщины служат сейчас в кавалерии? - изумился Мячиков.

- Извините, я забыл, что чувство юмора не ваша стихия! - сказал Федор Федорович.

- Извините, - ответил Мячиков, - я не понял, что вы пошутили! Что это у вас на щеке? Фурункул?

Щеку прокурора украшал пластырь, неряшливо наклеенный крест-накрест.

- Ерунда! Бандитская пуля! - отмахнулся Федяев и перешел к делу: - закажите оперативную машину! Сейчас мы с вами поедем!

Николай Сергеевич вышел из кабинета выполнять распоряжение, а Федяев стал надевать югославский плащ с темно-зеленым отливом, точно такой же, какой носил сам Андрей Никанорович. Как настоящий начальник, Федяев не пользовался общим гардеробом. В углу кабинета он держал свою, персональную вешалку. Станиславский, говоря, что театр начинается с вешалки, ошибался. С вешалки начинается начальник.

Надеть шляпу Федяев не успел. Помешал телефонный звонок.

Этот телефонный звонок, как и положено в детективе, послужил завязкой для нашей истории под названием «Старики-разбойники».

Федор Федорович снял трубку и сказал: «Я вас слушаю!» В ответ раздалось:

- Здравствуй, Федяев! Как живешь?

- Добрый день, Андрей Никанорович! - В отношениях с вышестоящими лицами Федор Федорович пытался держаться независимо. Был вежлив, приветлив, но не подобострастен и даже позволял себе некоторые вольности: - Ловлю жуликов, Андрей Никанорович!

- Вот я тебе и подброшу в помощь одного человечка! Ты его прими на работу!

- Кем, Андрей Никанорович? - осведомился Федяев.

- Не бойся, не районным прокурором, - хохотнул собеседник, - а только лишь следователем!

- Вакантного места у меня нет! - бесстрашно ответил Федяев.

- Найдешь! - коротко сказал Андрей Никанорович и повесил трубку. Чехов, говоря, что краткость - сестра таланта, ошибался. Краткость - сестра начальства...

Нетрудно догадаться, что этот будничным, скучный разговор изменит жизнь Мячикова, которому так не вовремя исполнилось шестьдесят лет.

Федяев надел ворсистую темно-зеленую шляпу, точно такую, как носит Андрей Никанорович, вышел из кабинета и сказал секретарю:

- Я на объект!

Вскоре оперативная машина мчалась на место преступления. В машине ехали четверо - водитель, Федяев, Мячиков и фотограф...

Через двадцать минут автомобиль, набитый блюстителями закона, прибыл к дверям ограбленного магазина. Перепуганный директор услужливо распахнул дверцу автомобиля и затараторил:

- Мы пришли утром. Магазин был заперт, пломба не сорвана, окна не выбиты, двери не взломаны. А внутри не хватало двухсот пар голландских сапог на меху. По семьдесят рублей пара.

- Голландских? - задумчиво переспросил Николай Сергеевич. Он уже вышел из машины и внимательно

изучал входную дверь.

- Все отечественные сапоги на месте! - заверил директор.

- Пройдемте к вам в кабинет! - распорядился Федяев. - А вы, Николай Сергеевич, осмотрите место преступления!

У себя в кабинете директор, явно боясь, что его арестуют, говорил, запинаясь и нервно вертя в руках обувной рожок:

- Ключи всегда у меня. Я их никому не доверяю, потому что я материально ответственный. Кстати, вашей жене не нужны голландские сапоги?

- Из тех, что украли? - ехидно спросил Федяев.

- Нет, из тех, что еще не успели! - наивно ответил директор.

- Спасибо, не нужны. Продолжайте!

- На чем мы остановились? - Директор был вконец растерян.

- На том, что вы материально ответственный...

- Да-да... если что-нибудь пропадет, то отвечать мне...

- Уже пропало! - напомнил Федяев. - Самая пора отвечать!

Директор побледнел и принялся жадно глотать воздух.

В дверь заглянул Мячиков и заговорщически поманил Федяева.

Николай Сергеевич привел начальника в подвал, где складывали тару. Там Мячиков приподнял линолеум, которым был покрыт пол, и показал на железную крышку люка. Прокурор и следователь с трудом откинули ее, и перед ними открылась черная дыра колодца, ведущая в неизвестность. Сыщики переглянулись и бесстрашно полезли в отверстие.

Они медленно продвигались по узкому и темному тоннелю. Под ногами чавкала вода, поблескивали

водопроводные трубы, переплетались зачехленные провода. Потом тоннель сузился, сжался, идти стало уже невозможно, пришлось ползти. Мячиков полз впереди, за ним пыхтел Федяев.

Неожиданно Федор Федорович схватил подчиненного за ногу. Тот испуганно вздрогнул.

- Мне нужно с вами серьезно поговорить... - начал Федяев.

- Другого места вы не нашли? - спросил Николай Сергеевич, вырывая ногу.

- Здесь очень удобно: никто не мешает, а темноты я не боюсь, - подробно объяснил Федор Федорович. На самом деле он хотел говорить с Мячиковым именно в темноте, чтобы не видеть его честных глаз. - Когда вы собираетесь уходить на пенсию?

Вместо ответа Николай Сергеевич быстро пополз вперед.

- Подождите, не уползайте! - приказал прокурор, наступая руками на пятки подчиненного. - Надо наконец позаботиться о своем здоровье!

- Я здоров! - бодро произнес впереди ползущий.

- Вам трудно работать! - настаивал Федяев. - За последние два года вы не раскрыли ни одного преступления!

- Как так! - возмутился Мячиков. - А дело о пересортице раков? Я перемерил сантиметром тринадцать тысяч семьсот двадцать штук!

- Это был титанический труд! Боюсь, что на нем вы и сломались!

Впереди забрезжил свет. Тоннель заканчивался. Мячиков извивался, как змея, протискиваясь к выходу. В этот момент он наткнулся на улику. Когда Николай Сергеевич первым выбрался на волю, то в руке он держал черный кожаный сапог. Мячиков огляделся. Тоннель привел в глухой двор, отгороженный от парадной жизни сплошным забором.

Вслед за Мячиковым появился на свет Божий и Федяев.

- Хотите, чтобы я подал заявление об уходе на пенсию? - убитым голосом спросил Мячиков.

- Хочу! - кивнул Федяев.

- Значит, вы меня увольняете?

- Я вас не увольняю.

- Ну, отправляете на покой. Потому что я плохо работаю?

- Да! - соврал Федяев.

- А если бы я продолжал хорошо работать, то вы бы меня не уволили на пенсию? - спросил простодушный Мячиков.

- Нет! - соврал Федяев.

- А я вот сапог нашел!

- Так он под ногами валялся!

- Под руками! - уточнил Мячиков. - Но я раскрыл знаменитое дело шайки Сидорчука!

- Я это проходил в институте!

- Именно я вел дело о плюшевых медведях...

- Об этом написано в учебнике! - безжалостно прервал Федяев. - Все это было до нашей эры.

- Значит, я для вас ископаемое! - обиделся следователь.

- Полезное ископаемое! - уточнил прокурор.

- Поручите мне дело с кражей сапог! - взмолился Николай Сергеевич.

- Тут раскрывать нечего! - пожал плечами Федор Федорович. - Ясно, что кражу совершил тот, кто знает про этот тоннель... А найти его, как говорится, дело техники...

- Поручите мне что-нибудь другое! Я не могу уйти... Что я стану делать дома? - В голосе Николая Сергеевича появились трагические интонации.

- Ну, хорошо, хорошо! - великодушно сказал Федяев, который, как и все работники прокуратуры,

любил беззащитного Мячикова. – Давайте договоримся так: поработайте еще месяц. Если вы себя проявите, мы вернемся к этому разговору!

– Я проявлю! – пообещал Мячикова. – Я еще на многое способен.

– Ну и прекрасно! – благодушно сказал Федяев, решив про себя, что за этот месяц не поручит Мячикова ни одного дела.

В течение последнего часа к Федяеву обратились с просьбами два человека: один нужный, а другой ненужный.

А ненужные люди не должны обращаться с просьбами. Только они этого не знают.

Глава вторая

В то время как Николая Сергеевича в зашей выталкивали на пенсию, его друг инженер Воробьев уходил на пенсию добровольцем.

Проводы на пенсию – это трогательное мероприятие. Чтобы больше никогда не видеть юбиляра, сотрудники скидываются на подарки, остаются после работы и произносят речи о заслугах бывшего сослуживца.

Комиссия по проводам В.П. Воробьева хорошо подготовила представление.

Валентин Петрович сидел сейчас в президиуме, да не просто сидел, а между референтом министра и управляющим трестом.

Был зачитан заранее организованный телеграфный поток приветствий от всех филиалов треста. И юбиляр принял все за чистую монету.

После приветственных телеграмм над залом появился плакат: «На кого ты нас оставляешь?» Нестандартный текст плаката был предварительно согласован с управляющим трестом.

Юбиляр оглядел президиум и подумал, что действительно оставить не на кого.

На сцену вышел главный бухгалтер. Он должен был выступать первым.

– Дорогой Валентин Петрович! – проникновенно начал главный бухгалтер, прижимая к сердцу электрическую кофеварку.

Перед заседанием Валентину Петровичу объяснили, что, когда его станут приветствовать, он должен вставать.

Валентин Петрович встал.

- Я не представляю себе, что дважды в месяц буду подписывать ведомость на получение заработной платы без вашей фамилии! - улыбнулся бухгалтер.

Он вручил кофеварку и расцеловался с Воробьевым, который мысленно представил себе ведомость, где между Барашом и Добродеевым нет фамилии Воробьева.

Не успел Валентин Петрович поставить кофеварку на маленький столик, специально подготовленный для подношений, и сесть, как на сцене появился начальник планового отдела.

- Дорогой Валентин Петрович! - восторженно закричал начальник планового отдела, прижимая к груди мельхиоровый подстаканник.

Валентин Петрович встал.

- Я не представляю себе, что приду завтра на работу и не увижу тебя! - вздохнул оратор и вручил подстаканник Воробьеву. Они расцеловались, и Валентин Петрович с некоторым удивлением подумал, что не испытывает огорчения от разлуки с начальником планового отдела. «Все-таки я нехороший человек», - отметил про себя Воробьев, поставил подарок на стол и сел.

Плановика сменил главный инженер.

- Друг ты мой, Валентин Петрович! - печально сказал главный инженер, прижимая к груди рыболовный набор.

Валентин Петрович встал и внимательно слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

- Ты человек необыкновенный. Я вспоминаю, - закатил глаза главный инженер, - как понадобилось перевезти из Свердловской области глыбу мрамора весом двести с лишним тонн для памятника Фонвизину, который «Недоросля» написал, - пояснил оратор аудитории, - ну, на Фонвизинской площади, - и вдруг выяснилось: этот мрамор перевезти невозможно!

Валентин Петрович покивал головой: мол, действительно, было невозможно.

- Мраморная глыба не помещалась на железнодорожной платформе, - увлеченно продолжал главный инженер, - не проходила под мостами, а ее надо было перевезти целиком, а не кусками. Понимаете, для постаментов. Все специалисты зашли в тупик. И тогда эту сложную техническую задачу, которая, кстати сказать, к профилю нашего треста не имела ни малейшего отношения, решил Валентин Петрович. У него вообще светлая голова, в которой полным-полно разных идей.

Оратор повернулся к юбиляру и спросил глухим голосом:

- Зачем ты, Валентин Петрович, преждевременно закапываешь в землю талант инженера?

Воробьев вспомнил про свой талант и подумал, что на самом деле добровольно закапывает его в землю. От этой мысли у Валентина Петровича больно сжалось сердце. Дрожащей рукой он положил рыболовный набор рядом с кофеваркой и подстаканником, налил боржома и выпил.

На этот раз сестра Воробьев не успел. На сцену выскочила секретарь комсомольской организации и запричитала, прижимая к груди трехрожковый подсвечник:

- Дорогой Валентин Петрович! Сколько раз мы, молодежь, пользовались вашими советами. Вы щедро делились с нами своим опытом. Мы осиротели сегодня!

- Это верно, - неожиданно для самого себя вслух сказал Воробьев. - Бедная вы сиротка! - Он нежно поцеловал девушку и сел, забыв взять подарок.

В зале зашушукались. Оторопевшая комсомолка сама поставила подарок возле остальных жертвоприношений.

Пытаясь прийти в себя после неожиданного заявления юбиляра, управляющий трестом наклонился к референту министра:

- У нас заготовлен номер художественной самодеятельности. Вы не возражаете?

Референт министра кивнул.

Тотчас на сцену взобрались двое - парень с гитарой и девица в брюках.

- Не уезжай ты, мой голубчик, - затянула девица, прижимая к груди руки. Ее подарком была песня.

Валентин Петрович встал.

Печально жить мне без тебя.
Дай на прощанье обещанье,
Что не забудешь ты меня...
Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь меня, что любишь меня...

Нервы у Валентина Петровича сдали окончательно, он заплакал, пролепетал: «Спасибо» - и сел.

- Дорогой Валентин Петрович! - тихо начал управляющий трестом, прижимая к груди никелированный самовар.

Валентин Петрович встал.

- Мне трудно говорить, сегодня у меня траурный день, - драматически продолжал управляющий. - Мы проработали с тобой двадцать лет. Ты - моя правая рука. Сегодня ее безжалостно отрубают...

Мысль о том, что управляющий станет одноруким, доконала плачущего юбиляра, и он перестал соображать.

- Дорогой Валентин! - попросил управляющий. - Разрешите в трудные минуты обращаться к тебе за помощью...

Голос управляющего дрогнул, он махнул рукой, как бы показывая, что нет у него сил довести до конца эту мучительную речь. Он трижды облобызал юбиляра и вручил самовар. Они вдвоем водрузили его на подарочный столик. Воробьев всхлипывал как ребенок, не стыдясь слез.

Наконец поднялся референт министра.

Референт начал говорить еще тише, чем управляющий трестом. Давно известно: чем выше, тем тише! Сначала был зачитан благодарственный приказ по министерству. Потом референт министра говорил от себя лично. Он ничего не прижимал к груди. Его подарком было его присутствие. Он не мог замыкаться в узких рамках такого частного происшествия, как уход на пенсию. Он смотрел на жизнь шире и глубже. Он долго говорил о поднятии производительности труда, привычно призвал коллектив к новым трудовым успехам, под конец спохватился, вспомнил, ради чего проводится совещание, пожал Валентину Петровичу руку, вручил ему приказ и пошутил:

- Я не понимаю, какие трудовые успехи могут быть у «Промстальпродукции» без вас!

Но Валентин Петрович уже не понимал шуток. Он вышел на авансцену и громко сказал:

- Товарищи!.. Я так растроган... Я и не представлял себе, что вы меня любите так сильно... Я жалею, что не позвал сюда жену, дочь, ее жениха Володю и моего лучшего друга Колю Мячикова. Я вас тоже люблю...

Он взял самовар и молча вернул его управляющему трестом.

- Тебе не понравился самовар? - растерянно спросил управляющий.

- Мне сейчас не до самовара! - загадочно ответил Воробьев.

Зал, до этого скучавший, заинтересованно притих.

Валентин Петрович подскочил к столику с подарками, сгреб их в охапку и сошел со сцены к народу.

- Вы меня убедили! - растроганно сказал Валентин Петрович, отдавая главному инженеру рыболовный набор.

- Я понял, что я еще нужен! - признался Воробьев секретарю комсомольской организации, возвращая трехрожковый подсвечник.

- Пусть у меня больное сердце, пусть мне шестьдесят два, пусть я заслужил отдых, - я не уйду на пенсию, я остаюсь с вами! - И Валентин Петрович всучил главному бухгалтеру мельхиоровый подстаканник.

- Минуточку! - остановил распоясавшегося юбиляра главный бухгалтер. - Во-первых, я дарил вам не подстаканник, а кофеварку...

- Извините! - Воробьев быстро исправил ошибку.

- Во-вторых, - продолжал бухгалтер, - кофеварка приобретена на средства из директорского фонда. Списать я ее не могу. А в-третьих, что мне теперь делать с этой кофеваркой?

- Положите ее на депонент! - хулигански посоветовал Валентин Петрович. Раздав сувениры, он возвратился на сцену и в упор спросил референта министра:

- А вы мне что дарили?

- Приказ министра! - неуверенно ответил референт.

- Ну, это не страшно! Не все приказы выполняются!

- Если я тебя правильно понял, Валентин, - заикаясь, спросил управляющий трестом, - ты отказываешься уходить на пенсию?

- Коллектив не может обойтись без меня, а я не могу жить без коллектива! - гордо объяснил Валентин Петрович.

- Но ты должен понять... Неужели ты не догадываешься?.. - начал путаться в словах управляющий трестом. - Ведь это... так сказать... ритуал... это...

- Ты что же, - безжалостно оборвал управляющего саботажник, - хочешь сказать, что все лицемерили, упрашивая меня остаться?

- Нет, этого я не хотел сказать, - управляющий не знал, как выпутаться из создавшейся ситуации. - Но мы... все...

Воробьев обратился к залу:

- Товарищи! Вы хотите, чтобы я ушел на пенсию?

- Не-ет! - озорно ответил зал, как и всякий другой зал, обожавший побузить.

- Вы хотите, чтобы я остался с вами?

- Хо-отим! - дружно откликнулся зал.

- Вот видишь, как ты скверно думаешь о людях! - Валентин Петрович укоризненно взглянул на управляющего и покинул собрание в роскошном настроении.

Молодой человек, которого уже назначили на должность Воробьева, влез на стул и отчаянно закричал:

- А как же я?

Зал безжалостно расхохотался.

- Вашим подарком товарищу Воробьеву будет отказ от должности! - пошутил референт министра. Он был большой шутник.

Неожиданно вернулся Воробьев. Зал встретил его смехом и аплодисментами. Валентин Петрович подошел к управляющему трестом и громко сказал:

- Между прочим, банкет не отменяется!

- А по какому случаю банкет? - сердито осведомился управляющий трестом.

- По случаю моего неухода на пенсию!

Количество банкетов в нашей стране неуклонно растет, как и все остальное. Банкеты даются по любому поводу и без повода. Банкеты устраиваются на уровне кофе, на уровне водки и, наконец, самые ответственные банкеты – на уровне коньяка. Банкеты бывают в складчину, за счет подчиненных, а иногда, к сожалению, за свой собственный счет.

Но самые приятные банкеты – это дармовые, за счет богатого отечества. И льются на них водочные реки среди колбасных берегов сырого копчения... К человеку, надравшемуся на таком банкете, отношение иное, чем к человеку, который наклюкался в магазине, деля пол-литра на троих. И это понятно. Потому что этот, в магазине, напивается в свободное от работы время, а тот, банкетный, – при исполнении служебных обязанностей, что почетнее.

Валентин Петрович давал банкет на свои трудовые деньги. Валентин Петрович торопился попасть домой до прихода гостей и поэтому взял такси.

Когда он открыл дверь квартиры, жена взволнованно кинулась навстречу:

– Ну, как прошло?

– Великолепно! – гордо выпятил грудь Воробьев. – Маша, поздравь! Они меня не отпустили!

– Как – не отпустили? – ахнула жена.

– Они в ногах у меня валялись! – скромно сообщил муж.

– И ты согласился?

– Что мне оставалось делать? – невольно начал оправдываться триумфатор, горестно подумав при этом, что полного взаимопонимания не бывает даже в самых лучших семьях.

– Безобразие! – возмутилась Мария Тихоновна. – Как они смели! У тебя больное сердце!

– Ты пойми! – пытался утешить жену Воробьев. – Сам референт министра приехал специально, чтобы

сказать: «Какие могут быть успехи у
«Промстальпродукции» без вас», то есть без меня!

Мария Тихоновна всхлипнула:

- На тебе всю жизнь ездят!

Глава третья

Дружба Мячикова и Воробьева перевалила за серебряную дату. Они познакомились в госпитале, где долго лежали на соседних койках, и было это больше чем четверть века тому назад. А подружились потому, что были не похожи друг на друга. Активный и задиристый Воробьев сразу же взял деликатного Мячикова под свое покровительство, и эти отношения продолжались до сих пор.

Николай Сергеевич, конечно, был приглашен на банкет, который давал Воробьев, и очень обрадовался тому, что Валентина Петровича не отпустили на пенсию.

Когда наконец-то гости разошлись, Воробьев и Мячиков остались наедине, Валентин Петрович увлек друга в маленькую комнату и красочно расписал, как коллектив «Промстальпродукции» стоял перед ним на коленях, заклиная остаться.

Николай Сергеевич слушал с нескрываемым восторгом и всему верил.

Когда настала его очередь, Мячиков пожаловался на судьбу.

- Ты растяпа! - высказался Валентин Петрович. - Ты должен бороться!

- Если говорить по-честному, - признался Мячиков, - то Федяев прав. Я уже никуда не похужу! Я зря получаю зарплату...

- Не ты один! - вставил Воробьев.

- От этого мне не легче. Конечно, если бы я мог раскрыть крупное преступление...

- Возьми себя в руки и раскрой! - посоветовал Валентин Петрович.

- А где я его раздобуду, это преступление? Федяев мне ничего не поручает. Я уже балласт!

Валентин Петрович ничего не сказал в ответ и зашагал по комнате. Николай Сергеевич следил за ним, не отрывая глаз. Воробьев понимал, что тоскливый взгляд Мячикова взывает о помощи, хотя вслух Николай Сергеевич на помощь не позовет. Воробьев представил себе, как Николай Сергеевич проснется по привычке ровно в четверть седьмого, встанет и начнет бродить по пустой квартире, потому что делать ему нечего и идти ему некуда. Потом будет глазеть в окно на людей, которые торопятся на работу. Потом он не вынесет домашнего одиночества, выйдет на улицу, забредет на бульвар и будет маячить возле других стариков, которые играют в шашки или шахматы. А потом он станет мучительно думать, как же убить время, и пойдет в кино на первую попавшуюся картину, потому что больше пойти некуда...

- Ты не умеешь за себя постоять! - подытожил свои раздумья Валентин Петрович. Мячиков хотел было что-то сказать в оправдание, но Воробьев не позволил: - Слушай меня и не перебивай! Ты честный и неподкупный человек! А это для вашего следовательского дела важнее всего!

Мячиков засмутился.

- Выше голову! - прикрикнул на него Воробьев. - И если таких, как ты, бюрократы Федяевы вздумают выпихивать за дверь... я этого так не оставлю! Для меня это вопрос принципа, и ты тут ни при чем! Он тебе дал месяц срока? Да или нет, что ты молчишь?

- Ты сам не велел перебивать!

- Отвечай, когда тебя спрашивают!

- Дал месяц, - подтвердил Николай Сергеевич, снова обидевшись на Федяева. - Это вроде как испытательный срок! Обычно его назначают при поступлении на работу.

- И именно в этом наше спасение! - воскликнул Валентин Петрович. - Значит, Федяев сам не уверен, что ты уже совсем плох! За этот месяц мы его умоем!

- А как мы его умоем? - Мячиков поглядел на друга с надеждой.

- Не мешай мне сосредоточиться! - попросил Воробьев.

Николай Сергеевич покорно поднялся с кресла и направился к выходу:

- Пойду помогу Маше...

- Я всегда говорил, что ты баба! - с грубоватой нежностью загремел вдогонку Воробьев.

Хозяйка дома в соседней комнате пыталась уложить в постель расшалившегося внука Витю, сына старшей дочери. Дочерей у Воробьевых было две. Старшая вместе с мужем-геологом постоянно моталась по экспедициям, а младшая, Люся, жила с родителями.

- Давай, Маша, я его утихомирю! - предложил Николай Сергеевич.

- Ты вот что, Коля, поди-ка и помоги Анне Павловне! - Мария Тихоновна и не подозревала, что это поручение будет иметь далеко идущие последствия как для ее подруги, так и для Николая Сергеевича.

Анна Павловна мыла на кухне посуду, Люся ее вытирала, а сын Анны Павловны Володя мешал обеим.

- Ну пойдём! Ну поговорим! - приставал он к Люсе.

На что Люся отвечала:

- О чем с тобой разговаривать? Ты же хоккеист.

Друзья называли Анну Павловну народным умельцем.

И действительно, Анна Павловна умела делать все: варить обед, чинить электричество, лечить родственников и знакомых, шить, клеить обои, вязать, стрелять из револьвера и в сорок восемь лет выглядеть на тридцать шесть.

Анна Павловна была женщиной жизнестойкой, потому что могла рассчитывать только на себя. У нее не было ни мужа, ни образования. Так уж сложилась жизнь. Профессия у Анны Павловны была редкостной. Она работала инкассатором. Каждый вечер с револьвером на поясе она объезжала булочные и продовольственные магазины и собирала холщовые мешки с дневной выручкой.

- Меня послали к вам на подмогу! - объявил Николай Сергеевич, входя на кухню.

- А вы умеете мыть посуду? - У Анны Павловны была такая заразительная улыбка, что Николай Сергеевич улыбнулся в ответ:

- К сожалению, умею!

- Вы наденьте фартук! - Люся обрадованно стянула его с себя и отдала Мячикову. - Ну пойдем, надоел! - сказала она Володе.

И молодые люди быстро ушли.

- Анна Павловна, - попросил Мячиков, - завяжите мне, пожалуйста, тесемки!

Едва Анна Павловна успела справиться с тесемками, как в кухню заявился сияющий Воробьев.

Он презрительно оглядел Мячикова в дамском фартуке:

- Выйди!

- Извините! - сказал Николай Сергеевич Анне Павловне. - Я скоро вернусь! - И послушно пошел за Воробьевым.

В комнате Воробьев торжественно провозгласил:

- Для того чтобы тебя оставили на работе, ты должен раскрыть преступление, но не рядовое, а преступление века!

Мячиков поглядел на друга с немим укором:

- Я с тобой согласен! - и вернулся на кухню.

- Селедочные тарелки нельзя мыть горячей водой! - сказал Николай Сергеевич, снова включаясь в работу. -

Их надо мыть только холодной и обязательно с мылом. А вот для жирных тарелок нужна горячая вода... Вытирать посуду не стоит, полотенце не наберешься, и вообще...

Анна Павловна внимательно слушала Мячикова. Это был первый случай в ее жизни, когда мужчина проявлял подобные познания.

- Вы работаете судомойкой? - лукаво спросила Анна Павловна.

Мячиков ответить не успел. Голос друга вернул его к суровой действительности:

- Ну-ка, иди сюда!

- Извините! - сказал Мячиков Анне Павловне. - Я сейчас!

- Преступление века на улице не валяется! Его надо организовать. Но для того чтобы его мог раскрыть именно ты, организовать его должен именно я! Здорово, а? - Воробьев был в восторге от собственной выдумки.

Николай Сергеевич пошатнулся. Такого предложения он не получал за всю многолетнюю юридическую практику.

- Но тогда я буду вынужден упрятать тебя за решетку!

- А без этого нельзя? - спросил Воробьев.

Николай Сергеевич покачал головой.

- В тюрьму я не хочу! - сказал Валентин Петрович и задумчиво добавил: - И все-таки мы должны доказать, что не возраст определяет цену человека.

- Тогда подумай еще! - посоветовал Николай Сергеевич, возвратился на кухню и снова взялся за посуду. - Сегодня был очень хороший студень! - заметил он. - Правда, я делаю студень не так, как Мария Тихоновна. Я покупаю на рынке телячью ногу. Важно не забыть, чтобы ее разрубили, а то дома это трудно...

В этот момент Мячиков случайно коснулся руки Анны Павловны и покраснел, хотя Анна Павловна и не заметила этого секундного прикосновения.

Сегодня, после невеселого разговора с Федяевым, Николай Сергеевич чувствовал себя одиноким, как никогда. Вот уже шесть лет после смерти жены он жил один. Дочь была далеко, в Красноярске. Николай Сергеевич, конечно, привык находиться один, но сейчас это стало ему нелегко. Именно поэтому он внезапно созрел для последней любви.

- Ногу я варю с морковью и луком, - заставил себя продолжать Николай Сергеевич. - Варю я долго, часов восемь, полный рабочий день, поэтому занимаюсь студнем только в субботу или в воскресенье и только для гостей. Для себя я возиться не стану...

- Я тоже... - вставила Анна Павловна, а про себя подумала: «Мужчине одному тоже тяжело».

Известно, что если женщина начинает жалеть мужчину, то это может далеко завести.

- А когда я разливаю бульон по тарелкам, - Мячиков не мог остановиться, - то добавляю чеснок, перчик и еще хорошо - зелень от петрушки. И вкусно и витамины...

- А я люблю делать студень из курицы! - сказала Анна Павловна. Собеседники явно нашли общий язык.

- Никогда не ел студня из курицы! - признался Николай Сергеевич, набиваясь на приглашение.

В кухне вновь, и на этот раз совершенно не вовремя, появился Валентин Петрович.

- Иди сюда, шеф-повар!

- Извините! - сказал Мячиков Анне Павловне. - Я сейчас! - И покорно поплелся за другом.

- Я нашел выход! Я совершу преступление, - изобретатель продолжал развивать оригинальную идею. - Ты его раскроешь, но меня не поймаешь!

- Какое же это должно быть преступление, - сказал Николай Сергеевич, уже сердясь на друга и думая о том, как бы поскорее вернуться к мойке, - чтобы его можно было раскрыть, не обнаружив при этом виновного!

- Так это ты придумай!

- Я не умею придумывать преступлений!

Теперь рассердился Воробьев:

- Что ж это ты! Всю жизнь водишься с бандитами и ничему от них не научился!

Николай Сергеевич почувствовал себя виноватым. Он часто тушевался перед напористым другом и побрел из комнаты прочь, в то время как Воробьев провожал его гневным взглядом.

В коридоре Мячиков столкнулся с Анной Павловной, которая прощалась с хозяйкой.

- Как, вы уходите? - растерялся Николай Сергеевич.

- С твоей помощью она быстро справилась! - сказала Мария Тихоновна.

- Можно я вас провожу? - спросил Мячиков.

- Проводи, проводи! - разрешила Мария Тихоновна. - А то ей далеко идти, заблудится!

При этом Анна Павловна почему-то засмеялась.

Николай Сергеевич осторожно заглянул в комнату, чтобы попрощаться с Воробьевым, но тот опередил его:

- Будь добр, не мешай мне думать!

Анна Павловна ждала Мячикова на лестничной площадке.

- Не надо меня провожать! Вам потом далеко будет возвращаться. Транспорт уже не работает.

- Ходить пешком полезно! - браво ответил провожатый. - Врачи очень рекомендуют гулять перед сном.

Анна Павловна отвернулась, чтобы не рассмеяться в лицо кавалеру, пересекла лестничную клетку и, достав из кармана ключ, открыла дверь соседней квартиры.

- Ну, вот я и дома! - сказала она, довольная нехитрым розыгрышем.

Николай Сергеевич долго смеялся, а потом сказал:

- Вы меня замечательно провели.

Ему хотелось спросить у Анны Павловны номер ее телефона, но он постеснялся это сделать, а только добавил:

- Как же это так: вы рядом живете, Володю я давно знаю, а с вами познакомился только сегодня. Я ведь здесь бываю очень часто.

- Значит, не довелось раньше встретиться! - улыбнулась Анна Павловна. - Может быть, потому, что вечерами я чаще всего работаю. Спокойной ночи, Николай Сергеевич! - Анна Павловна безмятежно помахала рукой.

- Спокойной ночи, Анна Павловна! - промямлил Николай Сергеевич.

Он стал спускаться по лестнице, где на подоконнике выясняли отношения Люся и Володя. Когда Мячиков проходил мимо, его осенило.

- Володя, - сказал Николай Сергеевич, - ваша мама дала мне номер телефона, но я тут же его забыл!

- 743-07-55! - сказал Володя.

- Спасибо и до свидания! - Мячиков снова стал спускаться по лестнице, чрезвычайно довольный своей сообразительностью.

Выйдя во двор, он услышал громовой голос с неба:

- Коля, я придумал!

Николай Сергеевич поднял голову и увидел Воробьева, который стоял на балконе в гордой позе вождя племени.

- Я ограблю сберкассу, - орал на весь двор Воробьев, - отдам тебе деньги, ты их вернешь, будто бы отнял у вора. Деньги ты отнял, а жулик, то есть я, ускользнул!

Мячиков огляделся по сторонам, не слышит ли кто.

- Это прекрасное предложение! - сказал он тихо. - Но возле каждой сберкассы дежурит милиционер, и он тебя застрелит!

- Ты прав! Это не годится! - великодушно согласился Воробьев. Он умел выслушивать критику. - Я придумаю что-нибудь другое, без милиционера.

- Я тебя прошу, - сказал Мячиков умоляющим тоном, - оставь эту бредовую затею!

- Я не засну, пока на свете есть несправедливость! - воскликнул Воробьев и ушел спать.

А Николай Сергеевич с ужасом обнаружил, что во время перепалки он забыл номер телефона. Володя и Люся все еще объяснялись на подоконнике.

- Но почему? - недоумевал Володя. - Почему ты не хочешь выходить за меня замуж?

- Потому что ты хоккеист! - повторяла Люся.

- Я не профессионал, а любитель!

- Мне все равно, как это называется! Я не хочу жить с человеком, который круглый год гоняет шайбу!

- Я не гоняю шайбу. Я играю в хоккей. Это большое искусство! Мы ничем не хуже артистов, даже лучше. Когда мы выходим на лед, миллионы людей включают телевизор!

- А я выключаю! - сказала Люся. Но Володя не обратил внимания на ее замечание.

- В театре артисты играют чужие слова и заранее знают, чем все это кончится. А мы... каждый матч мы импровизируем. Нам и звания дают, как артистам. Заслуженный мастер спорта!

- А народного мастера спорта еще нет? - ехидно спросила Люся.

- Будет! - убежденно ответил Володя.

И тут возле них возник запыхавшийся Мячиков.

- Извините, что я вам опять мешаю. Но я... забыл номер телефона!

- 743-07-55! - повторил Володя.

Николай Сергеевич ушел и всю дорогу до самого дома твердил эти цифры как стихи...

Глава четвертая

Николай Сергеевич жил в отдельной однокомнатной квартире, в доме первой категории.

Для того чтобы в нашей сложной жизни не было путаницы, в ней все разложено по полочкам.

Продовольственные и промышленные товары делятся на сорта.

Шоферы и каюты – на классы.

Бани, рестораны и спортсмены – на разряды.

Дома и кинофильмы разделяются по категориям.

Но если третьеразрядный спортсмен может стать перворазрядником, то дом третьей категории не перейдет в первую, как бы он ни пыжился. Дом третьей категории – это заранее запланированный плохой дом.

Но если дом первой категории обязательно хороший, то кинофильм первой или даже высшей категории не обязательно хороший, как бы он ни пыжился...

Нетрудно догадаться, что отдельную квартиру добыл не Мячиков, а его жена. Когда она осознала, что недотепе-мужу не видать отдельной квартиры, то нашла спасительный выход. Она нанялась машинисткой в районное жилищное управление на общественных началах. Каждое утро, ровно к девяти часам, жена ездила на работу и до пяти вечера печатала на машинке, не получая за это ни копейки.

Через два года она перевезла Николая Сергеевича в новую квартиру.

Поставить телефон оказалось невозможным, и жена Мячикова пустилась по проторенной дорожке.

Каждое утро, к девяти часам, она ездила на телефонную станцию и весь день перепечатывала на

машинке длинные, нудные ведомости, не получая за это ни копейки.

Через восемь месяцев в квартире Николая Сергеевича зазвонил телефон...

За всю жизнь Мячиков так и не научился добывать, доставать или проталкивать...

...На следующее утро после знакомства с Анной Павловной Мячиков проснулся, как обычно, в четверть седьмого. Сделал зарядку, принял холодный душ и занялся приготовлением завтрака.

Но поесть не удалось. Раздался звонок.

Когда Мячиков открыл дверь, в квартиру ввалился Валентин Петрович.

- Здравствуй, Коля!

- Здравствуй, Валя! - обрадовался Николай Сергеевич. Воробьев прошел в кухню, увидел яичницу, снял сковородку с плиты и потребовал у хозяина вилку. Уплетая завтрак, Воробьев хвастливо сказал:

- Я в эту ночь не бездельничал! Я составил список возможных преступлений!

Николай Сергеевич вздохнул.

- Ты пойми, - сказал он, наливая Валентину Петровичу чай, - если бы я был пекарем, который не хочет уходить на пенсию, и в знак протеста, ночью, тайно выпекал бы вкусный хлеб, - это естественно. Если бы я был каменщиком и ночью, тайно выкладывал новый этаж, - опять логично. Но ты толкаешь нас на совершение уголовно наказуемых деяний!

- Я не виноват, - сказал Воробьев, спокойно попивая чай, - что у тебя такая мерзкая профессия!

- Ты не обижайся, - упирался Мячиков, - но твои предложения годятся только для сумасшедших!

- Никогда не известно, кто из людей нормальный, а кто нет! - философски заметил Воробьев. Он порылся в кармане и достал лист бумаги. - Сейчас я тебе зачитаю список. Правда, ты должен учесть, что мне было очень

трудно. Убийство, изнасилование, вооруженный грабеж и шпионаж я отмел сразу!

- Спасибо и на этом! - успел вставить Николай Сергеевич. Воробьев начал читать:

- Итак, первое. Угон машины! - При этом он пояснил:
- Машину ты возвращаешь владельцу, а меня не находишь. Это общий принцип: ты возвращаешь похищенное, а преступника не ловишь!

- Разве ты умеешь водить машину? - удивился Мячиков.

- Нет. А ты?

- И я не умею. Как же мы тогда будем угонять?

- Значит, это отпадает. - Воробьев взял ручку и вычеркнул из списка «Угон машины». - Теперь второе преступление. Его мы инсценируем. Мы с тобой вывозим из моей квартиры всю мебель!

- Куда? - спросил Мячиков, невольно вовлекаясь в игру.

- Можно к тебе! - сразу нашелся Воробьев. - Можно дачу снять... Я подаю заявление, что меня ограбили, а ты находишь мою обстановку.

- Обожди! - В Мячикоу невольно заговорил профессионал. - Это не годится. Федяева так просто не проведешь. Он узнает, что мы друзья, и легко докопается до истины.

- Жаль, - Воробьев отложил список и задумался. - Есть у меня заветная мечта. Но она, конечно, неосуществима! Вот послали бы тебя в Америку, а ты бы взял и отыскал убийц Кеннеди! Утер бы нос этим американцам!

- Я не знаю, нашел бы я или нет, я ведь не знаю английского языка, - проникновенно сказал Николай Сергеевич, - но я бы в лепешку разбился, чтобы найти...

- Ну, ладно, - Воробьев снова перешел на прозу. - Давай ограбим Анну Павловну! Это мое третье предложение, последнее!

Николай Сергеевич оцепенел и не нашелся, что ответить.

- Мы ограбим ее понарошку. Она ведь инкассатор! Мы с ней сговоримся, она добровольно отдаст нам мешки с деньгами... Ну а дальше все по схеме.

- Я не стану грабить женщину! - благородно воскликнул Мячиков.

Валентин Петрович нахмурился:

- Тебе все не нравится! Никак тебе не угодишь!

- Потому что ты занимаешься чепухой! - кротко, но твердо заявил Николай Сергеевич.

- Я пришел к тебе с открытым сердцем, а ты меня обижаешь!

- Потому что ты этого заслуживаешь! - Мячиков был непреклонен. Ему не хотелось ссориться с другом, но грабить не хотелось еще больше.

- Ну тогда подавай на пенсию! Так тебе и надо! - вспылил Воробьев.

- Лучше на пенсию, чем под суд!

- Таких, как ты, и нужно судить!

- А ты... ты опасен для общества! - выпалил Мячиков.

- А ты... ты... - Воробьев старательно подыскивал оскорбление. - Ты ничтожество!

Он направился было к выходу, но одного «ничтожества» ему показалось мало. Он возвратился и добавил:

- Ты не только ничтожество, ты старик!

Нанеся решающий удар, он ушел, хлопнув дверью.

Глава пятая

Придя на работу, Мячиков прежде всего заглянул к шефу:

- Чем мне сегодня заниматься? Вы не поручите мне какое-нибудь дело?

- Но, дорогой Николай Сергеевич, преступность катастрофически падает: уже почти не убивают и почти не воруют. Загляните в статистические сводки, если не верите. Мне просто нечего вам поручить!

- Я не так глуп, как вам кажется! - И огорченный следователь покинул кабинет прокурора, думая о том, чем занять время.

В обеденный перерыв в прокуратуру пришел Воробьев.

Найдя Мячикова, он сказал ему, будто они утром и не ссорились:

- Ты был прав. Все мои прежние варианты никуда не годились! Теперь я действительно придумал нечто потрясающее! Пойдем!

- Куда? - насторожился Николай Сергеевич.

Воробьев нагнулся и прошептал Мячикову на ухо:

- В музей!

- А зачем? - громко спросил следователь.

Воробьев ухватил его за рукав и поволок в коридор, потому что Мячиков работал в комнате не один, а Воробьеву не нужны были свидетели.

- Что я не видел в музее? Я занят на работе! - упирался Николай Сергеевич, предчувствуя недоброе.

- Ты здесь все равно баклуши бьешь! - безжалостно напомнил Воробьев. - Пошли!

Когда они очутились на улице, Валентин Петрович спросил друга:

- Ты куда хочешь - в Русскую картинную галерею или в Музей западной живописи?

- Я вообще никуда не хочу идти! Ты ведешь меня насильно!

- А почему ты так боишься идти в музей? - рассмеялся Воробьев.

- Я боюсь не музея, а тебя! - признался Николай Сергеевич.

Валентин Петрович похлопал друга по плечу:

- Ладно, пойдём в Музей западной живописи. Он ближе!

Воробьев взял Мячикова под руку и повел к троллейбусной остановке.

Когда старики прибыли в музей, их встретил плакат: «Юбилейная выставка Рембрандта. 300 лет со дня рождения».

- Возможно, что Рембрандт - это именно то, что нам надо! - загадочно произнес Воробьев.

Николай Сергеевич понимал, зачем они сюда пришли, но старался не думать об этом.

- В какой зал пойдём? - великодушно спросил Воробьев.

- Лично я люблю импрессионистов! - застенчиво признался Мячиков.

- Импрессионистов так импрессионистов... - согласился Валентин Петрович. - Для тебя я на все готов!

Первый экспонат, у которого задержался Мячиков, была скульптура Родена «Поцелуй».

- Какая прелестная вещь! - восхитился вслух Николай Сергеевич, забывая об опасности, связанной с присутствием Воробьева.

- Эта скульптура не годится! - покачал головой Валентин Петрович. - Врачи не разрешают мне поднимать тяжести. Но ты подбросил оригинальную идею. О скульптуре я как-то не подумал...

И Воробьев подвел друга к маленьким бронзовым фигуркам Аристиды Майоля, которые свободно могли бы поместиться в кармане.

- Хороший скульптор этот Майоль?

- Конечно, он не Роден, - тоном знатока ответил Николай Сергеевич, - но мастер интересный.

- Ясно. Плохого здесь держать не станут. Обожди меня! - И Валентин Петрович заспешил к смотрительнице зала, бодрой старушке, которая зорко следила за тем, чтобы посетители не хватили руками произведения искусства.

- А вы не боитесь, - спросил Воробьев, - что кто-нибудь украдет вот те маленькие статуэтки?

Смотрительница охотно вступила в разговор:

- Одну уже украли! Но теперь с этим покончено. Теперь все статуи приморожены к постаментам!

- Как приморожены? - с профессиональным интересом переспросил инженер Воробьев.

- Очень просто - сжатым воздухом! - объяснила старушка.

- Спасибо! - Воробьев вернулся к Мячикову.

- Скульптуры отпадают в принципе - они приморожены к постаментам.

- Очень хорошо. Значит, их никто не стащит! - злорадно отозвался Мячиков, любясь в этот момент картиной Матисса.

Валентин Петрович тоже посмотрел на картину и возмутился:

- Что ты в ней нашел? Она такая здоровенная!

- О картинах не судят по размеру! Дай мне спокойно смотреть! - взмолился Николай Сергеевич. - Я тут давно не был. Я хочу получать удовольствие!

- Мы здесь не за этим! - напомнил Воробьев.

Но Мячиков упорно стоял на своем:

- Лично я пришел сюда потому, что люблю смотреть картины!

- Ну хорошо, хорошо! - уступчиво сказал Воробьев, понимая, что к ценителю живописи нужен деликатный подход.

Следующей картиной, у которой Николай Сергеевич застрял надолго, был «Оперный проезд в Париже» Писсарро.

Валентин Петрович покорно дожидался, пока Мячикову не надоест глазеть на Париж.

- Это моя любимая вещь! - умилялся Николай Сергеевич. - Валя, спасибо, что ты меня сюда привел!

Ах, как хорошо! Как жаль, что мы редко бываем в музеях, засасывает нас текучка! Нет, надо чаще встречаться с искусством. Искусство – это единственная непреходящая ценность.

Воробьев немедленно отреагировал:

– Конечно, картина великовата, но тебе я верю! У тебя хороший вкус! Вот эту картину мы и возьмем!

– Но я не хочу красть картину! – завопил несчастный следователь.

Посетители обернулись на него с недоумением. Кто-то засмеялся.

– Не ори! – обозлился Воробьев. – Чего ты разорался!

Мячиков рванулся к выходу, но Воробьев догнал его и сказал успокаивающе:

– Ну ладно! Не нервничай! Пойдем посмотрим выставку Рембрандта!

– Я пойду, но только с одним условием! – строго предупредил Николай Сергеевич. – Если ты еще хоть раз посмеешь...

– Не посмею! – кротко пообещал Воробьев.

В рембрандтовском зале висело семь картин. При виде великих полотен на Мячикова снизошло благоговение. От картины к картине он стал переходить на цыпочках!

– Маленьких только две! – заметил Воробьев.

– Ты опять за свое? – вскипел Мячиков.

Воробьев невинно пожал плечами:

– Какая из картин тебе больше нравится – та, где изгоняют из храма, или «Портрет молодого человека»?

– Не скажу! – уперся Мячиков.

– У молодого человека рама красивее! – вслух размышлял Валентин Петрович. – Красть нужно, конечно, Рембрандта. Тогда это на самом деле будет преступление века!

Мячиков молча побежал к выходу. С перепугу ему казалось, что все посетители музея смотрят не на

шедевры, а на него. А герои картин тоже глядят не туда, куда им положено, а только на него, на Мячикова. Ему мерещилось, что бронзовые всадники, восседающие на бронзовых конях, указывают на него бронзовыми пальцами. Ужас объял Николая Сергеевича.

Современная проза, так же как современный кинематограф, не может обойтись без видений, снов и кошмаров, которые мучают главное действующее лицо. Только благодаря им, то есть видениям, снам и кошмарам, удастся проникнуть в труднодоступный внутренний мир героя.

Кошмар Мячикова

Итак, ужас объял Мячикова. Ему почудилось, что одна из бронзовых лошадей подняла копыто, поддела им бронзовое ядро, на которое опиралась до этого много веков, и изо всех сил пульнула этим ядром прямо в него, в Мячикова. Ядро летело, набирая скорость. Но в самый последний момент Мячиков изловчился, выставил вперед ногу и ловким ударом отправил ядро обратно. Оно заскрежетало, загудело и, изменив направление полета, угодило кавалеристу в лоб. На лбу сразу же вздулась гигантская металлическая шишка. Статуя пошатнулась и выругалась по-итальянски.

Опасность была велика, и Мячиков побежал, спасая шкуру. Сзади надвигался грозный цокот копыт. Два бронзовых наездника – кондотьер Коллеони работы скульптора Верроккио и кондотьер со страшной фамилией Гаттамелата работы Донателло – скакали за Мячиковым по залам музея. Несмотря на свои шестьдесят лет, Николай Сергеевич мчался как ракета-носитель, заткнув при этом за пояс пушкинского героя. За Евгением гнался всего-навсего один медный всадник, а за Мячиковым – два! В воспаленном мозгу

Николая Сергеевича блеснула удачная мысль. Он вспомнил, что лошади не умеют скакать по лестницам, и устремился вниз по мраморным ступеням...

При выходе из музея дежурил милиционер. Мячиков подхалимски сказал ему:

- У меня ничего нет!

Милиционер поглядел на запыхавшегося старика, как на ненормального, и был почти прав.

Мячиков выскочил на свежий воздух, ждать Воробьева не стал и припустился по улице подальше от музея.

Он бежал до тех пор, пока не оказался у дома, где жили Воробьевы и Анна Павловна. Поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру Воробьева.

Дверь открыл самый младший Воробьев - Витя.

- Бабушка дома? - спросил Мячиков.

- Никого нет. Я один. Заходите, дядя Коля, сыграем в подкидного дурака! - обрадовался мальчик.

- Денег у тебя случайно нет? - задал неожиданный вопрос Николай Сергеевич.

- А сколько надо?

- Рубля два...

- У меня только пять копеек! - вздохнул Витя.

- До свидания! - попрощался Николай Сергеевич. - Ты не говори деду, что я заходил. Ладно?

После того как Витя захлопнул дверь, Николай Сергеевич пересек лестничную клетку и позвонил к Анне Павловне.

Когда она появилась на пороге, Мячиков смущенно пролепетал:

- Анна Павловна... извините за беспокойство... вы не одолжите мне, ну, рубля два... А то я вышел из дому без денег...

- Может быть, вам больше нужно? - радушно предложила женщина.

- Тогда дайте три! Я вам завтра верну!

Получив трешку, Николай Сергеевич выбежал на улицу и на ближайшем углу купил цветов ровно на три рубля. Через несколько минут он снова стоял у двери Анны Павловны. Снова она появилась на пороге, и Мячиков вручил ей букет:

- Вы свободны сегодня вечером? Давайте сходим в кино!

- А на какие деньги мы пойдем? Вы же, наверное, все потратили на цветы? - улыбнулась Анна Павловна.

- Я у вас опять одолжу! - нашелся Николай Сергеевич.

Глава шестая

Утром следующего дня Федяев вошел в комнату, где работал Мячиков.

- Добрый день, Николай Сергеевич! - сказал Федяев и забинтованной рукой, которая беспомощно висела на перевязи, указал на мужчину, выглядывавшего из-за его спины. - Познакомьтесь, это Юрий Евгеньевич Проскудин. Введите его, пожалуйста, в курс дела.

- В какой курс? - не понял Мячиков.

- Он вам все объяснит!

- А что у вас с рукой?

- Да ерунда, бандитская пуля! - ответил Федяев и улетучился. В приемной он столкнулся с директором обувного магазина.

- Зачем вы сюда ходите? - раздраженно спросил прокурор. - Я же вам сообщил, что сапоги украл водопроводчик. Он проник в магазин через канализационный люк. Вор уже сознался.

- Я и пришел сказать вам спасибо за то, что вы нашли жулика! - Благодарность переполняла директора. - Кстати, какой номер обуви у вашей жены? Мы только что получили лакированные туфли на широком каблуке, шведские. Это не туфли, а мечта!

- Моей жене ничего не нужно! - вспылил Федяев.

- Что она, ходит босая? - обиделся директор магазина.

Тем временем в комнате Мячикова Проскудин приветливо улыбался хозяину. Проскудину было лет около тридцати пяти. Он был почти красив, улыбка у него была почти обаятельной, он был одет почти изысканно, был почти умен и выражался почти интеллигентно:

- Меня прислали на ваше место... Так сказать, смена поколений...

- То есть как на мое? - упавшим голосом произнес Николай Сергеевич. - Федор Федорович обещал мне месяц... Я как раз... почти нашел преступление, которое я раскрою!

- Какие вы, старички, неугомонные! Натерпелся я от вашего брата! - развел руками Юрий Евгеньевич.

- У меня нет брата! - сухо сказал Мячиков.

- Это я в переносном смысле... - все еще пытался наладить контакт Проскудин.

Но Николай Сергеевич был неприступен:

- У вас есть юридическое образование?

- Я окончил институт мясо-молочной промышленности!

- Вас переводят к нам из мясокомбината? - с ехидством спросил Мячиков.

- Почти! - пошутил Проскудин. - Я заведовал райсобесом. Общался с такими, как вы. Давайте рассказывайте про свою работу, только, пожалуйста, покороче. А то люди вашего возраста разговорчивы, можно сказать, болтливы. Я-то это знаю...

- За что вас погнали из райсобеса? - спросил Мячиков, свирепея.

- Следователю надо говорить правду. Он все равно до нее докопается. - Проскудин был настроен миролюбиво и доверительно. - Не повезло. Попал под кампанию: борьба с пьянством.

- Ах, вы еще и алкоголик!

- Да нет... ну, выпил как-то... а кто теперь не пьет?.. У вас я долго не задержусь. Должность не по мне, и оклад не устраивает. Так, временное прибежище... - утешил он Мячикова.

- Значит, меня увольняют только для того, чтобы вы здесь отсиделись?

Когда робкие люди выходят из себя, их следует остерегаться. Но Проскудин этого не знал. Мячиков ему надоел, и, чтобы прекратить дискуссию, он выложил на стол козырного туза:

- Может быть, вы не знаете, но я от Андрея Никаноровича!

- Я так и думал, что вы по блату! - К полному удивлению Проскудина, Николай Сергеевич выбежал из кабинета.

Он примчался к входу в прокуратуру, где молодой милиционер читал Сименона.

- Петя, у тебя есть оружие?

- Есть, но оно не заряжено, - ответил дежурный милиционер.

- Сойдет! - махнул рукой Мячиков. - Может, это и лучше, а то заряженное может ненароком выстрелить!

- Опасный преступник, Николай Сергеевич? - Глаза милиционера жадно заблестели.

- Чрезвычайно! - сказал Мячиков, взял у милиционера браунинг и вернулся в кабинет.

- Руки вверх! - сказал он мрачно, направляя дуло на Юрия Евгеньевича.

- Ты что, сдурел? - перепугался Проскудин, но на всякий случай поднял руки.

- Встать! Шагом марш! - скомандовал Мячиков. Проскудин оторопело встал и зашагал к выходу. Николай Сергеевич неотступно следовал за ним, приставив незаряженный револьвер к его спине.

У выхода Николай Сергеевич задержался и приказал милиционеру:

- Петя, запомни его в лицо и больше сюда не впускай!

- Слушаюсь! - сказал милиционер.

- Ну, дедушка, я это тебе припомню! - злобно пообещал Проскудин.

Николай Сергеевич прицелился. Проскудин мгновенно исчез.

Мячиков отдал Пете оружие, возвратился к себе в комнату, снял телефонную трубку и набрал служебный номер Воробьева.

- Валя! - сказал Николай Сергеевич необычным для него стальным голосом. - Пойдем грабить музей!

- Коля! - ответил Валентин Петрович голосом, в котором пела отвага. - Встречаемся через двадцать минут у главного входа!

Через двадцать минут Мячиков и Воробьев с противоположных сторон приближались к месту намеченного преступления. Надвигались сумерки. Большая черная туча закрыла небосвод. Прогремел

гром. Заговорщики встретились и многозначительно пожали друг другу руки.

Но, к сожалению, сегодня совершить кражу века не удалось.

На ограде Музея западной живописи висел плакат:
«Выходной день».

Глава седьмая

Так как Мячиков музей не ограбил, а избыток энергии обязательно надо было израсходовать, он в отличие от Воробьева не вернулся на работу, а поспешил к Анне Павловне. Он не предупредил ее телефонным звонком и появился внезапно, как парной цыпленок в продовольственном магазине.

- Пройдемте в комнату! - возбужденно сказал Мячиков, когда Анна Павловна открыла дверь и с удивлением обнаружила незваного гостя.

- Пожалуйста! - неуверенно пригласила Анна Павловна. - Но у меня не совсем убрано. Я вас не ждала...

- Я тоже к вам не собирался! - ответил Николай Сергеевич, идя за Анной Павловной по коридору. - Если бы музей был открыт, я бы к вам не попал!

- Вы собирались в музей, у вас выходной день? - спросила Анна Павловна, когда они оказались в комнате.

- Выходной день не у меня, а в музее! - ответил Мячиков. - А на работе мне делать нечего!

- Что с вами? У вас нездоровый вид. - В голосе Анны Павловны сквозило беспокойство.

- Я нахожусь в состоянии аффекта, - объяснил Николай Сергеевич, бегая по комнате из угла в угол, - а в этом состоянии человек способен на все! Поскольку потом я не смогу решиться, я себя хорошо знаю, я хочу поговорить с вами заранее!

- Успокойтесь, сядьте, пожалуйста! - Волнение хозяйки дома усилилось. - Хотите чаю? Может быть, вы голодны?

- Не отвлекайте меня, прошу вас! - попросил Мячиков. - А то я собьюсь с мысли!

Но бегать все-таки перестал и присел на подоконник рядом с цветочным горшком:

- Я пришел сделать вам предложение впрок!

Анна Павловна подумала, что ослышалась:

- Извините, но я не поняла, о чем вы говорите?

- Я прошу вас стать моей женой! Что тут непонятного? - Сейчас Николай Сергеевич мог говорить о чем угодно без всякого стеснения.

Всем женщинам мира нравится, когда им делают предложение. Анна Павловна покраснела и засмузилась:

- Но я вижу вас третий раз в жизни!

- Зато я давно знаю вашего Володю! - Мячиков привел сильный довод в свою защиту, замолчал и с тревогой заглянул ей в глаза.

- Но я не могу так сразу... Это как-то странно... - ответила женщина в растерянности. - Вообще вы мне симпатичны... Но этого мало, чтобы выйти замуж. Давайте подождем... пусть пройдет время...

Мячиков горячо поддержал Анну Павловну:

- Я с вами согласен! Сейчас я и сам не могу на вас жениться! Не имею права! Потому я и говорил, что прошу вашей руки, можно сказать, вперед... на будущее! Если, конечно, все обойдется!

Последним высказыванием Николай Сергеевич окончательно запутал Анну Павловну, которая уже не понимала, сделали ей предложение или нет.

- Вы говорите так туманно...

- Это потому, что я не могу раскрыть тайну! Это не моя тайна! - прошептал Николай Сергеевич и почему-то огляделся по сторонам.

- Прилягте на диван! - предложила Анна Павловна, поняв, что Николаю Сергеевичу необходим покой.

- А я не знаю, что вы мне ответили - «да» или «нет»? - Мячиков слез с подоконника и остановился на полпути к дивану.

- Вам надо отдохнуть и прийти в себя! - Анна Павловна заботливо уложила гостя, подсунула под голову подушку, сбегала на кухню, намочила под краном полотенце и, вернувшись в комнату, водрузила компресс на воспаленный лоб жениха.

- Поспите! - ласково посоветовала Анна Павловна, у которой был прирожденный талант сестры милосердия.

Николаю Сергеевичу стало хорошо. Он лежал на диване в комнате женщины, которую полюбил, а сама женщина присела возле него. Из мокрой повязки, холодившей лоб, приятно текло за шиворот. За стеной лениво переругивались соседи. Со спинки стула свисал ремень с кобурой, из которой высовывалась рукоятка револьвера.

По рукоятке Мячиков определил, что это маузер... Мячиков улыбнулся Анне Павловне и закрыл глаза. Не прошло и минуты, как он заснул светлым и безгрешным сном праведника, каким и был в реальной жизни.

Анна Павловна бережно сняла полотенце со лба спящего, накрыла его пледом и тихонько ушла на кухню готовить ужин...

А Николаю Сергеевичу приснился несбыточный сон...

Несбыточный сон

Над городом висел вертолет. Из брюха вертолета спускалась веревочная лестница, за которую цеплялся человек в красном тренировочном костюме. В этом человеке следователь с удивлением опознал самого себя. Одной левой рукой держась за шаткую лестницу, Мячиков плыл над городом. Это напоминало начало знаменитого фильма Феллини «Сладкая жизнь». Только там вертолет нес статую Христа. Мячиков, однако, этого фильма не видел. Он вообще редко ходил в кино, к тому

же «Сладкую жизнь» у нас не показывали. Зачем нашему зрителю сладкая жизнь?

Орлиным взглядом летящий сыщик шарил по магистралям. В потоке машин он засек ту самую «Волгу», которая была ему нужна до зарезу. Мячиков немедленно отдал распоряжение летчику, и вертолет погнался за автомобилем. Внезапно возникла угрожающая ситуация. Вертолет нес Николая Сергеевича прямо на фабричную кирпичную трубу. Столкновение Мячикова с трубой казалось неизбежным. Но Мячиков не растерялся. Он двумя ногами пихнул трубу, она покосилась и рухнула на мостовую. Мячиков огорчился, что нанес фабрике материальный урон, и одновременно обрадовался тому, что, падая, труба никого не придавила.

Вертолет и преследуемый автомобиль мчались, не уступая друг другу в скорости. Вертолет мчался по небу, автомобиль – по скверному асфальту. Выбрав момент, Мячиков прицелился и прыгнул на крышу «Волги».

Преступник в маске, который вел автомобиль, был очень хитер. Он направил автомобиль в жерло фабричной трубы, так кстати поваленной Мячиковым. Но во сне Николай Сергеевич тоже был не дурак. Он опять уцелел. Он соскочил с автомобильной крыши и побежал по трубе, в то время как машина ехала внутри. Однако преступник невольно допустил ошибку. Он позабыл, что фабричные трубы, широкие у основания, затем постепенно сужаются. Поэтому он въехал в трубу на солидной «Волге», а выехал из нее на крохотной инвалидной коляске. И это было понятно, так как «Волга» не смогла бы протиснуться сквозь узкую горловину.

Но Мячикову было наплевать, на чем выехал преступник. Он прыгнул на крышу коляски, прорвал брезентовый верх, плюхнулся рядом с водителем и

сорвал с него маску, в какой выступают обычно хоккейные вратари.

Под маской обнаружилось почти противное лицо Юрия Евгеньевича Проскудина!

...Когда Николай Сергеевич проснулся, Анны Павловны уже не было. Встав, Мячиков обнаружил записку, начертанную дорогой рукой:

«Ушла на работу. Ужин на столе».

Николай Сергеевич аккуратно сложил послание и спрятал его в карман, на память. Затем он с аппетитом поужинал, вымыл посуду, а перед уходом тоже оставил на столе записку и три рубля, которые одалживал накануне.

В записке было сказано:

«Мне у вас очень понравилось. Мое предложение остается в силе».

Глава восьмая

Существуют проверенные, зарекомендовавшие себя способы грабить музеи изобразительного искусства.

Но Воробьев решил идти своим путем.

Дерзость замысла Валентина Петровича заключалась в том, что великое похищение должно было состояться среди бела дня на глазах у всех!

План Воробьева был нахален, элегантен и прост, как все великое! Валентин Петрович всегда и во всем был новатором...

Итак, кража века была назначена на среду пятнадцатое августа того самого года, в котором происходили описываемые события.

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое старики-разбойники не спали.

Николай Сергеевич написал сначала прощальное письмо дочери, которая жила с мужем в Красноярске, а затем принялся писать Анне Павловне.

Первое и последнее письмо следователя Николая Сергеевича Мячикова к любимой им Анне Павловне перед уходом на уголовное дело.

Дорогая Анна Павловна!

Когда Вы прочтете эти искренние строки, я уже буду сидеть в КПЗ, то есть в камере предварительного заключения. Пожалуйста, не думайте, что я настоящий преступник! Я, можно сказать, преступник поневоле. Я должен был так поступить во имя справедливости!..

Я был бы счастлив, если бы Вы когда-нибудь принесли мне в тюрьму передачу...

Так я и не поел Вашего куриного студня... Так мы и не были с Вами во Дворце спорта, не

болели за Вашего Володю и не подбадривали его криками: «Шайбу! Шайбу!»

Теперь Вы, наверное, поняли, почему я делал Вам предложение впрок, на всякий случай...

Будьте счастливы, дорогая Анна Павловна! Я буду любить Вас до последней минуты, до тех пор, пока меня не зароят в могилу, куда не вырастет над ней одинокая плакучая березка!

Преданный Вам Н.С. Мячиков.

В ночь с 14 на 15 августа...

Подпись Николая Сергеевича была неразборчивой: ее размыло слезами, которые текли из ангельских глаз автора письма...

У себя дома Валентин Петрович всю ночь ворочался с боку на бок. Заснуть не удавалось. Воробьеву хотелось отдать последние распоряжения, как положено человеку, которому грозит тюрьма. Днем Воробьев не сомневался в успехе, но ночами его уверенность ослабевала. Валентину Петровичу не терпелось разбудить Марию Тихоновну и посвятить в рискованную затею, но он понимал, что она обругает его и не пустит в музей...

Пятнадцатого августа солнце взошло ровно в пять часов.

Вместе с солнцем встал Николай Сергеевич и вышел на балкон, чтобы в последний раз полюбоваться на восход не через решетку.

Вместе с солнцем поднялся и Валентин Петрович. Он тоже вышел на балкон и сделал там легкую гимнастику. Ночные страхи прошли, и теперь Воробьев был готов к решающему броску. Пока Мария Тихоновна продолжала спать, Валентин Петрович стащил из комода скатерть, прокрался в ванную комнату, заперся

в ней и обмотал скатерть вокруг торса. Ходить обернутым в скатерть было неудобно, но вынести скатерть в открытую – страшно. Валентин Петрович не боялся ограбить музей, но жены он боялся...

Воробьев пришел к Мячикову, как и было условлено, ровно в половине одиннадцатого. Правой рукой он опирался на трость, а в левой нес сверток с веревками и двумя синими халатами, взятыми в лаборатории «Промстальпродукции».

– Ты готов? – громогласно спросил с порога Воробьев.

– Нет! – тихо ответил Николай Сергеевич. Его тон заставил Валентина Петровича насторожиться. Он испытующе посмотрел на друга:

– Струсил?

– У меня такое ощущение, Валя... ты не понимаешь, на что мы идем! – Николай Сергеевич старался говорить мягко, но убедительно. – Думаешь, в случае неудачи нам дадут пятнадцать суток? Должен тебя разочаровать: нам дадут пятнадцать лет, что в нашем возрасте... Этот срок я обещаю тебе как юрист!

На секунду Воробьев заколебался, потом в его глазах появилось упрямство, и он решительно сказал:

– Большому кораблю – большое плавание!

– Валя! – настойчиво продолжал Мячиков. – Нам никто не поверит, будто это чудовищное преступление мы совершили для того, чтобы меня не турнули на пенсию! Этого мы никому не докажем! Мы станем для человечества теми, кто осквернил память Рембрандта!

– Наш суд мне поверит! – несколько неуверенно произнес Воробьев.

– Много ты про это знаешь! – махнул рукой Николай Сергеевич.

– Но я уже взял разгон, я набрал скорость, я уже не могу затормозить! – Воробьев подбадривал не только друга, но и самого себя.

- Валя! Ты идешь на это ради меня, а я этого не стою! - продолжал отговаривать Мячиков.

И тогда Валентин Петрович сказал убежденно:

- Нет, Коля! Стоишь! Ты человек с большой буквы! Я тебя люблю!

- Я тебя тоже люблю, Валя! - дрогнувшим голосом произнес Николай Сергеевич, сдерживая нахлынувшие слезы.

- Пойми, плакса! - нежно сказал Воробьев. - Мы должны доказать, что старики тоже люди! Мы заставим считаться с нами, мы заставим себя уважать! Мы идем защищать святое дело, вперед!

- Если ты это делаешь ради меня, - взволнованно сказал Мячиков, энтузиазм друга увлек его, - то я пойду на это ради тебя!

Воробьев растроганно обнял старого товарища:

- Давай посидим перед дорогой!

Они присели на диван, помолчали с минуту, а потом Мячиков, именно он, скомандовал:

- В путь!

«Бандиты» встали, вышли из квартиры, спустились по лестнице и оказались на Липовой улице.

- Какая сегодня прекрасная погода! - сказал Николай Сергеевич, щурясь под солнечными лучами. - В такой день особенно не хочется садиться в тюрьму!

- Типун тебе на язык! - И Воробьев прибавил шагу.

- Зачем ты взял трость? - Мячиков старался не отставать.

Валентин Петрович обрадовался:

- Вот видишь, ты не догадался. Это не трость, а раздвижная лестница. Я ее сам сконструировал.

- Но с палкой в музей не пустят! Скажут, чтобы мы оставили ее в раздевалке.

- Хромого пустят! - И Воробьев натурально захромал, припадая на левую ногу. - Ну как?

Восторга в друге он не вызвал. Мячиков сказал довольно хмуро:

- Надеюсь, сойдет!

- Не нравится мне твое настроение! - назидательно заметил Воробьев.

Старики сели в троллейбус и через полчаса очутились возле музея. Здесь было много автобусов, из которых высаживались туристы, приехавшие буквально со всего света.

Мячиков решил схитрить:

- Погляди, сколько народу! Они примчались издалека, чтобы поглядеть на картины Рембрандта. Давай не будем лишать их этого удовольствия. Ведь если мы возьмем одну картину, они увидят на картину меньше!

- Посторонние разговоры я запрещаю! - рявкнул Воробьев. - Операция началась! За мной!

Хромая и опираясь на трость, предводитель ринулся к входу в музей. Его робкое войско в составе Н. С. Мячикова поплелось следом. Пройдя через входные двери, отряд похитителей попал в маленький вестибюль. Справа при входе находилась касса, где в очереди за билетами выстроились несколько человек. Мраморная лестница вела вниз, в гардероб. Как и положено командиру, Воробьев шагал впереди. Не забывая хромать, он начал спускаться по лестнице. А его войско встало в очередь за билетами. Оказавшись внизу, Воробьев стал терпеливо ждать, пока подойдут главные силы. Наконец в толпе экскурсантов показалась долгожданная армия; она имела бледный вид.

- За мной, в туалет! - отдал приказ хромой атаман.

- Хоть мне и страшно, но я не хочу... - возразили войска, но покорно последовали в мужской туалет. Там они начали выполнять приказ и расстегивать пуговицы.

- Мы пришли сюда не за этим! - приструнило командование солдатские массы, открыло дверь в кабину и пальцем поманило войско.

Запершись в кабине, отряд преобразовался. Он, то есть отряд, вышел из кабины одетым в синие маскировочные халаты. Точно в таких халатах ходят музейные рабочие. Отряд нес лестницу длиной в шесть метров. Впереди маршировал Воробьев, а замыкал колонну Николай Сергеевич, моральный дух которого был равен нулю. Он не столько нес лестницу, сколько держался за нее, чтобы не упасть от страха.

При виде контролеров, дежуривших у центрального входа, Мячиков машинально достал из кармана входные билеты. По счастью, Воробьев это заметил и отдал распоряжение билеты немедленно спрятать.

- Но нас не впустят! - прошептал Николай Сергеевич.

- Мы делаем вид, будто здесь работаем! Зачем же нам билеты, обалдуй?

Напарник не остался в долгу:

- А зачем ты тогда хромаешь? Теперь ведь у тебя в руках не трость, а лестница!

- Спасибо за критику! Учту! - сказал Воробьев.

За перепалкой они не заметили, как миновали контроль и, повернув налево, оказались в зале номер двадцать восемь. Именно здесь экспонировалась картина Рембрандта ван Рейна «Портрет молодого человека», над которым нависла угроза похищения.

Глава девятая

Старики в синих халатах поставили лестницу возле стенда, где висела обреченная картина.

Как и следовало ожидать, к ним немедленно подошла смотрительница:

- Что собираетесь делать? - Ее голос звучал строго. Но Воробьев правильно рассчитал, что смотрительница не может знать в лицо всех рабочих, так как штаты музея, как и все остальные штаты, не могут не быть раздутыми.

- Отнесем ее на реставрацию! - спокойно ответил Воробьев; а Николай Сергеевич не сказал ничего, так как потерял дар речи.

- Что за странная лестница? - удивилась смотрительница.

- Экспериментальная, - опять спокойно объяснил Воробьев. - Ее по заказу музея сделал народный умелец. Колька! - обратился он к Мячикову. - Обожди, я сейчас! - И исчез, оставив партнера в критическом положении.

Все поплыло и закружилось перед глазами Николая Сергеевича. И картина Рембрандта, и старушка смотрительница, и посетители, и он сам. Николая Сергеевича вернул к жизни оптимистический голос Воробьева:

- Я вывернул пробки, чтобы отключить звуковую сигнализацию. Коля, ты держи картину, а вы, - попросил он смотрительницу, - придерживайте, пожалуйста, лестницу. Так-то она крепкая, но мало ли что...

Мячиков коченеющими руками схватился за золоченую раму, смотрительница взялась за лестницу, а Валентин Петрович начал взбираться наверх.

Возле бригады рабочих скапливались посетители. Скоро образовалась толпа; все хотели в последний раз взглянуть на картину, которую сейчас унесут.

Воробьев умело развязал узлы, затем спустился вниз, укоротил лестницу, отобрал у Николая Сергеевича картину, приказал ему:

- Неси лестницу! - и, кивнув смотрительнице, направился с картиной к выходу. Николай Сергеевич пошел за Воробьевым. Ему мерещилось, что он идет на эшафот, неся лестницу, по которой будет взбираться к виселице, чтобы продеть голову в петлю.

Они вновь миновали контроль, и вновь Воробьев увлек Мячикова в туалет. Там он впихнул сообщника в кабину, превратил лестницу в трость и сунул Николаю Сергеевичу шедевр:

- Подержи его! А я пойду вверну пробки.
- Они сами включат, - запротестовал Мячиков. - Уйдем отсюда, и поскорее!

- Сейчас во всем музее отключена сигнализация. А что, если этим воспользуются настоящие жулики?

- Ты прав! Иди! - Николай Сергеевич заперся на задвижку и остался в мужском туалете с подлинным Рембрандтом в руках.

Через несколько минут Валентин Петрович возвратился.

В туалете царила мертвая тишина.

- Коля, ты в какой кабине? - забеспокоился Воробьев.

- Мы здесь! - слышался трусливый голосок.

- Кто - мы? - перепугался Воробьев.

- Я и молодой человек! - эзоповым языком напомнил Николай Сергеевич. - Разве ты забыл, что мы украли картину?

Воробьев огляделся по сторонам, но в туалете, слава Богу, кроме них, никого не было.

- Впусти меня! - распорядился глава экспедиции.

Войдя в кабину и снова запершись, Воробьев разделся, размотал с торса скатерть, тщательно завернул в нее картину и перевязал веревками. Халаты он сложил в сверток и сказал Мячикову.

- Ты видишь, как это просто!

Чтобы выбраться из музея, надо было пройти мимо раздевалки. Гардеробщики не обратили на похитителей ни малейшего внимания. Однако у самого выхода дежурил милиционер. Он специально дежурил на этом месте, чтобы из музея нельзя было ничего вынести.

Николай Сергеевич осознал, что курносый милиционер и спина Воробьева, идущего впереди, - последнее, что он видит в свободной жизни.

- Что несете? - напрямик спросил милиционер.

- Картину Рембрандта! - тоже напрямик ответил Воробьев.

Милиционер оценил шутку и засмеялся. У милиционера было развито чувство юмора, и это спасло друзей.

Воробьев, который нес картину в руках, отворил дверь и пропустил Мячикова вперед:

- Пожалуйста!

- Вот видишь! - заметил Воробьев, когда они шли по улице, направляясь к троллейбусной остановке. - Надо всегда говорить только правду!

Потом они ехали в троллейбусе, и кто-то из пассажиров толкнул Воробьева. Мячиков - он постепенно приходил в себя - укоризненно сказал:

- Товарищ, осторожнее! У него в руках картина из музея, а это народное достояние!

Так была совершена кража века...

Глава десятая

Картина Рембрандта, одетая в резную золоченую раму, стояла на диване, прислоненная к подушке.

- Представляю себе, какая сейчас паника в музее! - гордо сказал Воробьев. - Милицейские машины, сирены, музей оцеплен, обыскивают всех посетителей...

Он не договорил, потому что услышал глухой стук.

Николай Сергеевич лежал на полу в обмороке. Увидев произведение Рембрандта в своей квартире, он понял, что, собственно, произошло, и потерял сознание.

Воробьев в испуге кинулся к телу друга и закричал:

- Коля! Коля! Что с тобой?

Коля не отвечал. Тогда Воробьев схватил телефонную трубку и набрал 03 - номер «Скорой помощи»:

- Приезжайте скорее! Человек лежит на полу и не подает признаков жизни!

- Где лежит? - спросил женский голос. - Дома или на улице?

- Дома.

- Тогда обращайтесь не к нам, а в «Неотложную помощь»!

Воробьев хотел возразить, но не успел. Опытная дежурная повесила трубку.

Воробьев долго дозванивался в справочное бюро, чтобы узнать телефон «Неотложки», а когда добрался до нее, начал так:

- Человек умирает!

- Фамилия? - заученно спросили Валентина Петровича.

- Мячиков.

- Имя и отчество?

- Николай Сергеевич! Зачем вам отчество? Вы лучше приезжайте скорее!

Но прекратить бесстрастный допрос было невозможно.

- Сколько лет?

- Шестьдесят. Но какое это имеет значение?

- Домашний адрес?

- Липовая, тридцать один, квартира пять.

- Какая у больного температура?

Воробьев взвился:

- Человек без сознания, а вы хотите, чтобы я мерил ему температуру!

- На что он жалуется?

- Он уже ни на что не жалуется!

- Ждите! Врач будет!

И в трубке слышались короткие гудки.

Пока Воробьев изо всех сил добивался медицинской помощи, Мячиков открыл глаза, опять увидел памятник мирового искусства и тихо застонал.

Воробьев склонился над ним:

- Как ты, Коля? Что у тебя болит?

- Совесть!

- Возьми валидол и положи под язык! - Валентин Петрович достал из верхнего кармана пиджака лекарство, одну таблетку дал Николаю Сергеевичу, а другую взял себе. Теперь разбойники в унисон сосали валидол.

Воробьев снял с дивана одну из подушек и положил под голову Мячикову, который все еще валялся на полу.

- Ну что же, отдохнешь, а потом тащи картину твоему Федяеву. Не успела она пропасть, как ты ее нашел!

- Я сам хочу избавиться от нее как можно скорее! - Николай Сергеевич встал, хотел было опуститься на диван, но сидеть рядом с Молодым человеком не отважился. Мячиков явно боялся картины и поэтому

забился в противоположный угол комнаты. – Я могу вернуть картину после того, как прокуратура начнет розыск. Иначе все будет выглядеть подозрительно: откуда это я узнал, что картину стащили?

– Тогда беги поскорее в прокуратуру, – посоветовал сограбителю Воробьев, – а то расследование поручат кому-нибудь другому...

«Неотложка» приехала тогда, когда в квартире уже никого не осталось. На звонок в дверь не ответили, на стук тоже.

– Надо выламывать дверь! – распорядился врач. – Может быть мы успеем его спасти!

Послали за слесарем. Он пришел вместе с управдомом. Слесарь не стал затевать долгую возню с замком. Он разбежался и вышиб современную дверь плечом.

Войдя в квартиру, врач, шофер, управдом и слесарь долго искали покойника, но остались с носом. На картину Рембрандта никто, естественно, не обратил ни малейшего внимания.

– Должно быть, хозяин живой! – огорчился управляющий домом. – Ушел куда-нибудь, а мы дверь ломали. Кто же теперь будет за это отвечать?

Возмущенный врач составил акт.

– Безобразие! У меня столько вызовов, а такие, как ваш симулянт Мячиков, отрывают меня от больных. Мы его оштрафуем!

Врач и шофер быстро ушли, а управдом приказал слесарю:

– Давай ремонтируй дверь!

– А кто мне за это заплатит? – уперся слесарь.

– Тогда так... – решил управдом. – Ты тут дождись хозяина и заодно покарауль квартиру. Придет хозяин, с ним сговоришься!

Управдом отправился обратно в контору, а слесарь включил телевизор, снял с дивана картину Рембрандта

и лег, заняв ее место. Этот слесарь любил смотреть телевизор лежа...

О том, что случилось у него на квартире, Мячиков понятия не имел: когда Воробьев взывал к медицине, Николай Сергеевич пребывал в беспамятстве. А когда Мячиков пришел в себя, Валентин Петрович так обрадовался этому, что позабыл рассказать про вызов.

Николай Сергеевич с трепетом переступил порог прокуратуры. Если еще вчера Мячиков был порядочным человеком, то сегодня он стал человеком с двойным дном. С одной стороны, он продолжал оставаться следователем, с другой стороны, превратился в нарушителя закона. В душе у него одновременно звучали две мелодии, похоронная и бравурная, образуя сумбур вместо музыки. Две ноги Мячикова тоже жили в разладе. Если одна безбоязненно торопилась в кабинет Федяева, то другая панически бежала прочь из здания прокуратуры. Победила бесстрашная нога, и Мячиков возник в кабинете Федора Федоровича.

- Привет, шеф! - развязно сказала одна половина, а другая поспешно добавила: - Извините за бесцеремонное вторжение!..

- Рад вас видеть, присаживайтесь! - безразлично сказал Федяев.

- Я бы хотел... у вас... узнать... - запинаясь робкая половина Мячикова, а нахальная ее перебила: - Почему, в конце концов, вы не поручаете мне расследование грандиозного преступления?

- Но за последние дни ничего существенного не произошло! - ответил Федяев, обескураженно разглядывая подчиненного.

- Неужели ничего существенного? - лицемерно опечалилась осторожная половина, а неосторожная брякнула: - Я чувствую сердцем, что произошло преступление века!

- Сердце вас обманывает, - насмешливо заметил прокурор. - В нашей стране преступление века произойти не может.

- Если вы мне его не доверите, - продолжала активная половина и в запале проговорила: - Я найду эту картину на общественных началах!

- Какую картину? - Федяев ровным счетом ничего не понимал.

Мячиков смекнул, что зашел слишком далеко:

- Я имел в виду неприглядную картину преступления!

Он наконец-то сообразил, что начальнику еще ничего не известно о краже в музее. Остаться в кабинете было бессмысленно, активная половина могла сболтнуть еще что-нибудь, и поэтому человек с двойным дном решил было ретироваться, но не успел.

Широко распахнулась дверь, и в кабинет ввалились сотрудники прокуратуры в полном составе. Во главе их шагал бесподобно красивый и неправдоподобно элегантный мужчина. Он не шагал, а, скорее, шествовал и улыбался. Улыбка у него была благородной, честной и неподкупной. Такая улыбка располагала и обвораживала. Этому человеку сразу хотелось доверить все - и душу, и тайну, и кошелек.

- Можно начинать, гражданин начальник? - спросил он у прокурора.

- Действуйте! - махнул рукой прокурор.

Несравненный красавец встал напротив Николая Сергеевича:

- Дорогой мой благодетель, Николай Сергеевич! Сегодня ровно пять лет, как я вышел на свободу. В своем проклятом прошлом я раздевал людей. Теперь я их одеваю. И все это благодаря вам. Разрешите поднести вам плоды своего честного труда!

И бывший уголовник распаковал пакет, который принес с собой, заставил Мячикова снять темно-синий

пиджак и надеть ослепительно-белый.

Все, включая Федяева, заплодировали, а Николай Сергеевич растроганно расцеловался с портным.

Правда, пойти домой в белом костюме, годном разве для фестиваля в Каннах или для «Голубого огонька», Николай Сергеевич не рискнул. Он нес костюм в свернутом виде.

Мячиков шел и мучительно размышлял над тем, почему в музее не бьют тревогу.

Когда Николай Сергеевич вернулся домой, то увидел, что в его квартире высажена входная дверь.

Мячиков сразу разгадал, что на самом деле двойную игру вел Федяев, который искусно притворялся, будто ничего не знает о похищении. Замысел Федяева стал ясен старому следователю.

Прокурор решил сначала захватить картину, поскольку она представляла большую ценность, нежели Мячиков, а уже потом арестовать его самого. Николай Сергеевич не сомневался, что в квартире ожидает засада.

Николай Сергеевич мог убежать. На мгновение эта недостойная, но естественная мысль промелькнула в его опустошенном мозгу. Но он отверг ее со всей решительностью.

Ему не хотелось скрываться и жить в подполье. Он устал от безумств. Он был рожден для спокойной, размеренной жизни. Он вошел в квартиру, готовый сдать властям.

Слесарь лежал на диване и все еще смотрел по телевизору хоккейный матч.

- Я вас давно жду, - сказал слесарь. Он сел и жестом пригласил хозяина квартиры устраиваться рядом. - Давайте досмотрим хоккей, а потом перейдем к делу!

Николай Сергеевич догадался, что оперативник, пришедший его брать, - хоккейный болельщик. Он

взглянул на экран и узнал Володю, который мчался на коньках к воротам противника. Но сейчас Мячикову было не до сына любимой Анны Павловны. Мячиков думал о том, как предупредить друга, как спасти его. В трагическую минуту он заботился не о себе, а о Воробьеве.

- Можно я позвоню? - спросил Николай Сергеевич у слесаря, не надеясь на положительный ответ. Однако слесарь кивнул.

Мячиков подошел к телефонному аппарату, набрал номер и, с опаской поглядывая на слесаря, шепотом сказал Воробьеву, который снял трубку:

- Это я! За мной пришли! Он досматривает хоккей! Тебя я не выдам! Прощай навек!..

Потом он повесил трубку, присел рядом со слесарем и вежливо поблагодарил:

- Большое спасибо, что вы разрешили мне позвонить! Вы очень добры!

Но слесарь, поглощенный игрой, не обращал внимания на слова Мячикова, он их не слышал. Он подпрыгнул на диване и заорал:

- Бей! А... а... мазила!

Когда матч кончился, слесарь выключил телевизор и в упор посмотрел на несчастного:

- На пол-литра дадите?

Николай Сергеевич растерялся и спросил, ничего не соображая:

- За что?

Слесарь понял его по-своему:

- Замок придется чинить, петли перевешивать. И потом, плечо у меня до сих пор болит; думаете, просто было дверь высаживать?

- Вы кто? - едва слышно произнес Мячиков.

- Слесарь я, из домоуправления!

- Ах, вы слесарь! - повторил Николай Сергеевич и стал сползать с дивана на пол, второй раз теряя

сознание.

Испуганный слесарь рванулся к телефону вызывать «скорую помощь».

Все началось сызнова.

Глава одиннадцатая

Узнав о том, что Мячикова взяли, Валентин Петрович посинел от злости. Он швырнул телефонную трубку и выругался. И заметался по комнате, с грохотом опрокидывая стулья.

На шум прибежала жена:

– Что с тобой, Валя?

– Мерзавцы! – бушевал Воробьев. – Я им покажу! Я этого так не оставлю! Они хватают невинного, когда виновный, – он ударил себя кулаком в грудь, – гуляет на свободе!

К полному удивлению Марии Тихоновны, он обнял ее и сказал с надрывом в голосе:

– Прости меня, Маша! Ты была мне прекрасной женой. Поцелуй детей и внука.

И опрометью кинулся прочь из дому.

Мария Тихоновна рванулась вдогонку:

– Куда ты?

– В тюрьму! – не оглядываясь, буркнул Воробьев и скрылся из виду.

А слесарь, закончив телефонный разговор с дежурной, наклонился над Николаем Сергеевичем и понял, что «скорая помощь» может уже не приезжать. Мячиков лежал абсолютно бездыханный. Доброму слесарю не хотелось оставлять усопшего на сквозняке. Слесарь бескорыстно навесил дверь и, сняв кепку, на цыпочках покинул квартиру. Стук захлопнувшейся двери вернул Мячикова к жизни, и он открыл голубые глаза... Мячиков и не подозревал, что его справедливый и неугомонный друг спешит сдаваться властям, чтобы принять вину на себя.

Валентин Петрович решил отдаться в лапы правосудия не по месту жительства, в районном

отделении милиции, а самому Федяеву.

- Федяев у себя? - закричал Воробьев, ворвавшись в приемную.

- Он на перевязке! - ответила секретарша.

- Я подожду! - угрожающе сказал Воробьев и уселся на стул возле двери прокурорского кабинета. По мере того как шло время, решимость в душе Воробьева медленно, но верно сдавала передовые позиции чувству страха, недостойному такого человека, как Валентин Петрович.

Когда страх на семьдесят пять процентов заполнил организм Воробьева, в приемную Федяева вбежал Мячиков.

- Ты уже у него был? - в панике спросил Николай Сергеевич.

- Откуда ты взялся? - Глаза Валентина Петровича засветились радостью. - Тебя уже выпустили?

- Я тебя еще раз спрашиваю: ты уже был у Федяева?

- Не могу его дождаться! - гневно воскликнул Воробьев.

Николаю Сергеевичу сразу полегчало.

- Ваш друг, Николай Сергеевич, упорно отказывается рассказать, зачем ему нужен Федяев, - кокетливо сказала Мячикову секретарша.

- В общем, скрывать тут нечего. Я один ограбил музей! - Воробьев был убежден, что все уже раскрылось и надо выгораживать Мячикова. - Ваш следователь, - он показал на него, - здесь ни при чем.

Николай Сергеевич обиделся. Он позабыл, что примчался сюда убереечь друга от ненужного признания.

- Нет, при чем!

- Я один все сделал! - сказал секретарше Воробьев. - Не примазывайся! - прикрикнул он на друга.

Однако Николай Сергеевич не мог допустить, чтобы Воробьев отвечал за все в одиночку, и он припер его к

стенке!

- Но картина-то у меня!

- Я ее отнес к тебе на сохранение, но ты не знал, что она краденая! - нашелся Валентин Петрович.

Но Мячиков вошел в азарт:

- Как я мог этого не знать, когда украл ее я!

Мячиков помнил одно: надо отводить от друга беду. Но и тот помнил то же самое и поэтому зашелся:

- Ты врал! Ты жалкий хвостун!

Секретарше надоела старческая болтовня:

- Это только на Западе крадут картины, а у нас - бессмысленно! Продать некому. Извините, товарищи, вы мне мешаете работать.

В это мгновение Валентина Петровича озарило. Он понял, что секретарша ничего не знает. А если не знает секретарша, значит, не знает никто. Воробьев ужаснулся тому, что чуть не провалил всю затею. Он поглядел на Мячикова диким взором и шепотом спросил:

- Ты откуда сюда пришел?

- Из дому! - многозначительно ответил Николай Сергеевич.

- А там ты не был? - Воробьев сделал ударение на слове «там».

- Не был!

- Но ты же мне звонил!

- Это роковая ошибка!

- Здесь никто ничего не подозревает!

- Никто!

- Почему?

- Сам поражаюсь! - сказал Мячиков, и в нем проснулся профессиональный инстинкт. - Дайте мне, пожалуйста, телефонный справочник, - обратился он к секретарше. И найдя номер, позвонил в музей:

- Говорит следователь Мячиков. Не было ли у вас сегодня произведено хищение?

Николай Сергеевич выслушал ответ и попрощался:

- Извините, благодарю вас, всего хорошего!

Он повесил трубку и, глядя в хорошие глаза Воробьева, медленно произнес:

- Из музея ничего не похищено! Ни сегодня, ни в предыдущие дни!

На Воробьева было жалко смотреть.

Не сговариваясь, старики сорвались с места и кинулись к выходу.

На улице Николай Сергеевич взял Воробьева под руку:

- Это я во всем виноват! Прости меня, Валя! Я принял слесаря за оперативника, который пришел меня арестовать!

- Но как ты догадался, что я здесь?

- Я знаю твой характер!

- Прости меня, Коля! - Воробьев и сейчас не уступал другу. - Это я во всем виноват! Я поспешил к Федяеву и едва не погубил нас обоих! И я тебя, конечно, прощаю! Но музею я этого не прощу! Что они там, ослепли?

- Иди скорее домой! - забеспокоился Николай Сергеевич. - Я тебе звонил, там все с ума сходят!

- А ты скорее поезжай к себе, сторожи Рембрандта!

И старики разошлись.

Пока Мячиков добирался домой, его успели опередить. Приехала медицинская помощь, вызванная слесарем. Прибыл тот же врач и тот же шофер. Ни на звонок, ни на стук никто дверь не отворил. Врач, не мстительный по натуре, на этот раз взъерепенился. Он вызвал управдома и опять приказал взломать дверь! Управдом послал за слесарем, тот опять разбежался и, как снаряд, вонзился в препятствие. Дверь рухнула, и слесарь приземлился рядом с Рембрандтом...

Подходя к дому, Николай Сергеевич увидел возле подъезда машину с красным крестом, в которую внесли

слесаря. «Неотложка» приезжала не зря. У слесаря был перелом плеча.

Поднявшись по лестнице, Николай Сергеевич обнаружил, что дверь его квартиры опять взломана. Готовый ко всему, он вошел в пролом, заглянул в комнату и облегченно вздохнул. Картина Рембрандта была на месте. Николай Сергеевич присел на диван и стал размышлять; кому и зачем понадобилось второй раз выламывать дверь?

Глава двенадцатая

Надо идти в музей и выяснить, почему они не паникуют! – сказал Воробьев на следующее утро.

– Но смотрительница нас опознает, – возразил следователь и с ненавистью поглядел на шедевр.

– А мы загримируемся! – подал увлекательную идею Воробьев. – Я буду без лестницы, без халата, но зато в очках!

– Мало! – высказал сомнение Мячиков. – Тебе нужны усы или борода. А мне как быть?

– Остричься наголо! – не задумываясь, решил Воробьев. – Тебя родная мать не узнает!

Но остричься Мячиков отказался:

– Страшно! А вдруг они в моем возрасте больше не вырастут?

– Как же тебя видоизменить? – задумался Воробьев, пристально разглядывая друга. – У тебя яркая внешность!

– Неужели? – Мячиков с надеждой поглядел в зеркало и не увидел в нем ничего яркого.

– Я придумал! – Воробьев даже подпрыгнул от радости. – Мы тебя перекрасим!

– В негра? – испугался Мячиков.

– Нет, не целиком, только волосы! – утешил Валентин Петрович. Ему стало по-детски интересно.

– Не желаю краситься! – заупрямился Мячиков.

– Почему?

– Стыдно! Красятся только женщины! – стоял насмерть Николай Сергеевич. – Это идиотизм. Этого не будет никогда! Лучше я приклею бороду!

– Где ты ее возьмешь?

– Есть специальный театральный магазин. Сейчас я туда позвоню. Мячиков дозвонился директору, который

ему вежливо сообщил, что в настоящий момент бород нет. Но поступление волосяных изделий ожидается в следующем квартале.

- До следующего квартала ты можешь отрастить свою собственную бороденку, - заметил Воробьев. - Придется краситься!

- Не буду! Мне все это ужасно надоело. Забирай своего Рембрандта и уходи.

- Это не по-товарищески! - обиделся Воробьев. - Хорошо, пойдем в музей незагримированными, пусть нас схватят!

Мячикову не хотелось ссориться:

- Предложи еще что-нибудь!

- Пожалуйста! - Воробьев был начинен идеями, как котлеты в столовой - хлебом. - Мы сделаем из тебя иностранца!

- Не хочу быть иностранцем! - перепугался Мячиков. - Мне и здесь хорошо!

- Не бойся, ты будешь иностранцем временно. Мы пойдем в музей как иностранные гости. Я буду изображать твоего переводчика.

- А на каком языке я должен говорить? - спросил Мячиков. - Я ведь на других языках ни гугу...

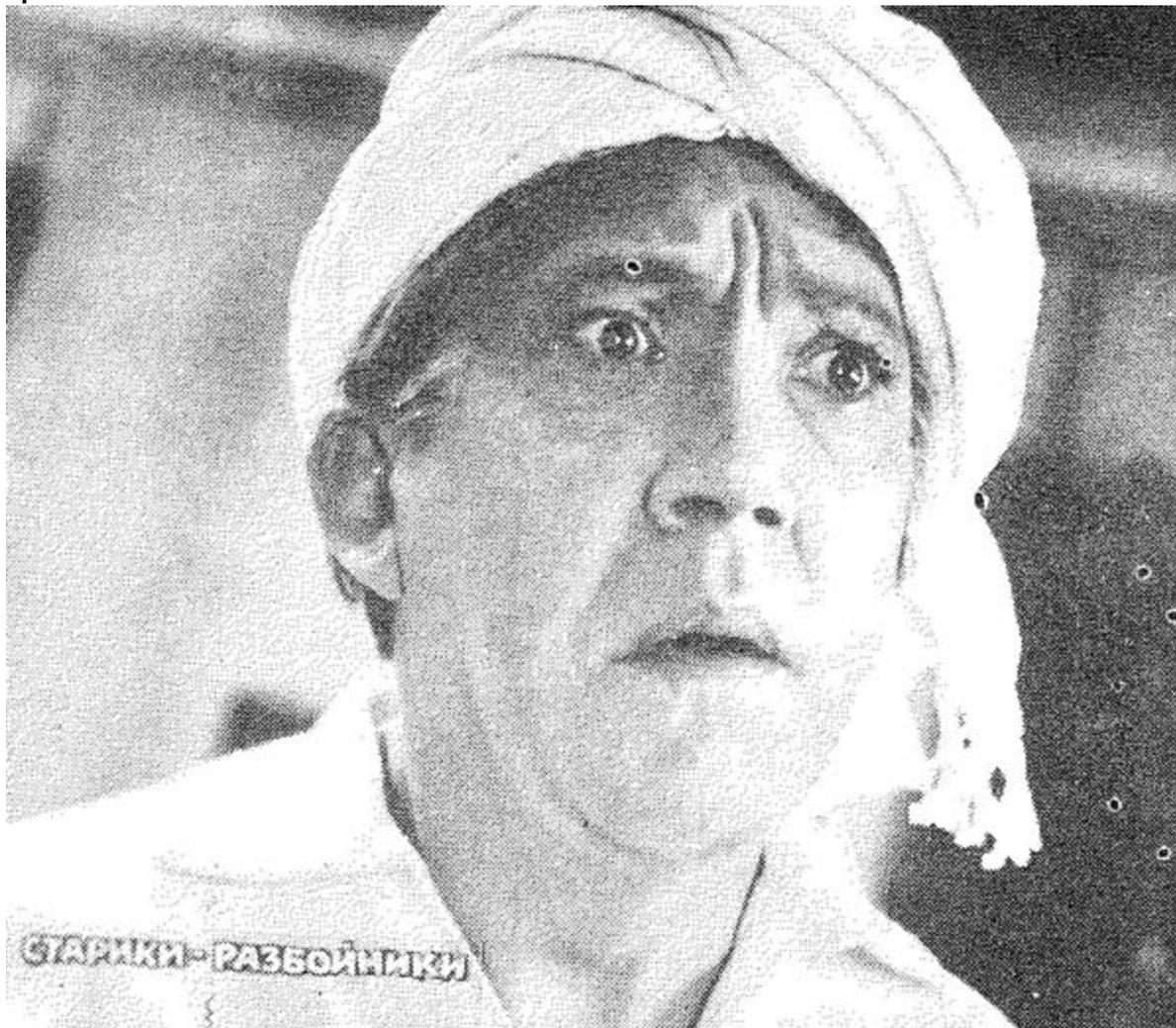
- Ты будешь молчать! Может быть, ты глухонемой иностранец! - нашелся Воробьев.

- А зачем глухонемому переводчик?

- Много будешь знать, скоро состаришься! - ответил старику старик.

Не позже чем через час по улице шли двое. В мужчине с приклеенными усами нетрудно было узнать Воробьева. Рядом с усатым осторожно ступал человек в чалме, сооруженной из полотенца, со смуглым лицом, в длинной белой рубахе и белых брюках, которые смахивали на нижнее белье. Туалет заканчивался босоножками, надетыми на голые ноги. В отличие от

лица ноги не были смуглыми: наверное, не хватило краски.

- Тебе этот костюм очень к лицу, Коля! - шепнул иностранцу Воробьев.

Когда иностранец и переводчик пришли в рембрандтовский зал, им все стало ясно.

На стенде, где еще вчера красовалось произведение раннего Рембрандта «Портрет молодого человека», висела табличка: «Картина на реставрации».

Старики покинули музей, возмущенные до глубины души. Они шли по улице, размахивали руками и говорили так громко, что прохожие оборачивались.

- Ротозеи! - кипел иностранец. - У них из-под носа вынесли картину, которой цены нет, а они не обратили на это внимания!

- Везде так! - мрачно изрек усатый. - Завтра украдут памятник Пушкину, и этого тоже никто не заметит.

- Это потому, - поддержал глухонемой, - что у нас никто и ни за что не отвечает!

- Всем на все наплевать! - шумел усатый переводчик.

Распаляя друг друга, старики договорились бог весть до чего, с чем авторы категорически не согласны и поэтому не приводят их слова. Когда из стариков вышел пар, они перестали кипятиться, сели в сквере на скамейку и начали обсуждать создавшуюся ситуацию.

- Может быть, написать в музей письмо и намекнуть, что картину свистнули? - предложил переводчик, но иностранец с сожалением заметил:

- Но мы ведь не можем его подписать!

- Пошлем анонимку! - сказал усач, но разборчивый друг пристыдил его:

- Как тебе не совестно! Мы не станем опускаться до анонимок! Кроме того, у нас не верят анонимным письмам!

- Преступление века зашло в тупик, - сказал переводчик и вдруг опомнился: - А почему ты разговариваешь по-русски? Ты же глухонемой иностранец...

Глава тринадцатая

Тринадцатой главы в повести нет. Кто-то когда-то выдумал, что число тринадцать несчастливое. Несознательные авторы в это верят.

Глава четырнадцатая

Николай Сергеевич ухаживал за Анной Павловной старомодно, то есть неторопливо. Он пригласил ее в театр. В антракте угощал ее лимонадом и пирожным. А во время действия сидел скромно, не давая воли рукам.

После спектакля Мячиков повел любимую домой, даже в мыслях не намереваясь остаться у нее на ночь.

– Дорогая Аня! – сказал Николай Сергеевич, когда они подошли к подъезду. – Разрешите мне вас так называть. Сейчас я вам докажу, как я к вам отношусь. Я вверю вам свою тайну и свою судьбу. Правда, я не назову вам сообщника, потому что не имею права распоряжаться чужой жизнью.

С Анной Павловной еще никто не разговаривал в таком высокопарном стиле.

И Николай Сергеевич, волнуясь, рассказал ей детективную историю о похищении картины великого голландца.

Анна Павловна всему безоговорочно поверила. Она посмотрела на Николая Сергеевича обновленными глазами. Она не сочла его безумным. Она поняла его устремления, а его отвага и бесстрашие покорили ее!

Николай Сергеевич тревожно ждал приговора.

Анна Павловна долго молчала, собираясь с мыслями и чувствами.

И тогда чуткий Николай Сергеевич понял, как надо поступить. Он достал из кармана прощальное письмо и вручил Анне Павловне:

– Здесь все написано. Это письмо я сочинил в ночь перед преступлением...

Он поцеловал ей руку и скромно ушел.

Анне Павловне не терпелось прочесть послание. Она вскрыла конверт в парадном и прочла письмо при

тусклом свете запыленной лампочки в двадцать пять свечей.

Дойдя до слов: «...я буду любить Вас до последней минуты, до тех пор, пока меня не зароят в могилу, покуда не вырастет над ней одинокая плакучая березка», Анна Павловна не выдержала и заплакала. Это были оптимистические слезы счастья, которые разрешено лить героям современных книг...

...Прошло еще несколько дней, в течение которых музей не подавал признаков жизни. Старики потеряли сон и покой, они не могли больше ждать. Они поняли, что пора отдавать Рембрандта народу.

Как и в прошлый раз, стартовой площадкой стал мужской туалет, расположенный в подвале Музея западной живописи. Воробьев и Мячиков облачились в синие халаты, раздвинули лестницу, распаковали картину и отправились в поход. Старики чувствовали себя паршиво: иди доказывай, что возвращаешь картину, а не крадешь!

Первый привал состоялся у щита с электрическими пробками. Воробьев отключил в музее свет, чтобы не работала сигнализация.

Второй привал состоялся при входе в рембрандтовский зал.

- Здравствуйте! - сказали смотрительнице лжемوزهенные работники. - Помогите нам повесить Рембрандта обратно!

Поход закончился у стенда с табличкой «Картина на реставрации».

В то время как Воробьев устанавливал лестницу, старушка снимала табличку. Вокруг собралась толпа. Она не расходилась до тех пор, пока шедевр не водрузили на место.

Смотрительница взгляделась и сказала с нескрываемым восторгом:

- После реставрации лучше стало!

На меценатов никто не обращал внимания. Они только что подарили стране произведение кисти Рембрандта, а им не сказали за это даже «спасибо»! Они выбрались из толпы и покинули зал номер двадцать восемь, избежав тюрьмы и не заслужив аплодисментов. А им так хотелось, чтобы внизу на раме прикрепили дощечку: «Дар музею от В.П. Воробьева и Н.С. Мячикова». Старикам было грустно-прегрустно. Им казалось, что они осиротели. Они сами не знали, что, оказывается, привыкли к Молодому человеку и полюбили его как сына...

- Не забудь ввернуть пробки! - со вздохом сказал Мячиков. - А то не ровен час - украдут нашего Рембрандта...

Когда неудачники шли по улице, удаляясь от музея все дальше и дальше, Воробьев обернулся и поглядел на величественное серое здание.

- Это преступление века не удалось, но мы совершим другое!

- Я не согласен! - воспротивился Николай Сергеевич. - Кончится тем, что мы соберем у меня дома картинную галерею...

Глава пятнадцатая

Вернув картину людям, Мячиков не чувствовал себя героем. Он снова превратился в затюканного следователя, которого вот-вот выставят за дверь прокуратуры. Он в который раз появился в приемной Федяева, надеясь уговорить начальство поручить ему какое-нибудь дело, и спросил у секретарши:

- Он один?

- Нет, - ответила секретарша, - у него посетитель. Говорят, Николай Сергеевич, вы на пенсию уходите?

- И не собираюсь! - по возможности бодро ответил Мячиков.

- В общем-то это неправильно, что пенсию выдают только в старости! - высказала неожиданную мысль секретарша. - По-настоящему пенсию надо выплачивать людям от восемнадцати и, скажем, до тридцати пяти лет. Это самый хороший возраст. В эти годы работать грех, надо заниматься личной жизнью. А потом можно и на работу ходить, все равно уже от жизни нет никакого толку!

- Очень интересная теория! - поддержал Мячиков. - Молодые гуляют, а старики вкалывают. В этом что-то есть...

Отворилась дверь, из кабинета вышли Федяев и Проскудин.

- Николай Сергеевич, вы ко мне? - Оттого, что Мячиков застукал его с Проскудиным, Федяев ощутил некоторую неловкость.

- Я позже зайду! - сухо сказал Николай Сергеевич.

А Юрий Евгеньевич приветливо осклабился во весь рот:

- Привет боевым ветеранам!

Николай Сергеевич неприязненно взглянул на врага и ничего не ответил.

- Я понимаю вашу антипатию ко мне. Но что поделаешь, жизнь! - И, покидая приемную вслед за Федяевым, Проскудин пошутил: - Вам время тлеть, а мне цвести!

Николай Сергеевич возмутился и стал торопливо подыскивать достойный ответ, и тоже в стихах. Но ничего, кроме общеизвестных истин: «Дуракам закон не писан!», «Гусь свинье не товарищ!», «Не в свои сани не садись!», в голову не лезло. Николай Сергеевич остановился на выражении: «Как вам не стыдно?» - и бережно понес эту отповедь, чтобы бросить ее в лицо грубияну.

Мячиков разыскал Проскудина в своей служебной комнате.

- Поскольку я привык работать в отдельном кабинете, то эту комнату мы поделим пополам... - разглагольствовал блатной. - Здесь два окна, так что архитектурно это возможно. В той половине будут вот эти два товарища, а эту займу я. - Федяев и двое коллег Мячикова слушали Проскудина с нескрываемым удивлением. - Маловата, конечно, площадь, но надо мириться с обстоятельствами. Тут, при входе, я поставлю вешалку. Стол, за которым сидел старик, придется сменить. Эта рухлядь мне не подходит...

То, что преемник буквально хоронит его при жизни, взорвало Николая Сергеевича, и он потерял самоконтроль.

- Гусь свинье не товарищ! - выпалил Николай Сергеевич, спутав приготовленную реплику. Все уставились на Мячикова, а он продолжал в гневе: - Не в свои сани не садись! Дуракам закон не писан! Как вам не стыдно?

Закончив монолог, бунтарь ушел, топая ногами.

- Бешеный старикан! - сказал вдогонку Проскудин.

Агрессивно настроенный Мячиков помчался на такси в «Промстальпродукцию». Чтобы не терять ни единой минуты, он заранее приготовил деньги, расплатился с таксистом, не взяв сдачи, и бегом направился к подъезду. Затем обычно деликатный Мячиков, растолкав очередь, втиснулся в лифт и выскочил из него на пятом этаже. Пробежав по коридору, он распахнул дверь в комнату Воробьева и с порога провозгласил:

– Валя, ты прав! Мы не остановимся на полпути!

Валентин Петрович понял друга и поэтому только кивнул.

Следуя плану, заранее разработанному Воробьевым, друзья разыскали Анну Павловну на загородном стрельбище. По заведенному порядку раз в год инкассаторам устраивали переэкзаменовку по стрельбе, хотя работают инкассаторами в основном люди пожилые. Всем вменялось в обязанность в стрельбе из пистолета на расстоянии в двадцать пять метров выбить сорок очков из пятидесяти возможных. Если стрелок не выполнял норму или вообще не попадал в мишень, его все равно оставляли на работе. Правда, такое бывает не только со стрельбой.

Увидев стариков, Анна Павловна откровенно встревожилась. Она до сих пор находилась под впечатлением прощального письма Николая Сергеевича и его рассказа о краже Рембрандта.

– Мы пришли к тебе, Аня, за советом и помощью! – сказал Воробьев, а Мячиков молча смотрел в притягательные глаза Анны Павловны и старался прочесть в них ответ на письмо.

– Отойдем в сторонку! – добавил Воробьев. – А то эта беспорядочная пальба меня раздражает!

– Вы попались с этой картиной? – упавшим голосом произнесла Анна Павловна.

Воробьев насмешливо поглядел на сообщника, который выболтал тайну женщине. Мячиков потупился.

А Анна Павловна, перехватив взгляд Воробьева, поспешила на выручку к Николаю Сергеевичу:

- Я и не знала, Валентин Петрович, что вы тоже принимали в этом участие. Про вас Николай Сергеевич ничего мне не говорил!

- Он все равно болтун! - сказал Воробьев. - Но раз ты все знаешь, Аня, нам будет легче столкнуться. Нас ни в чем не подозревают. Картину никто не искал, и поэтому ее пришлось вернуть. Мы совершенно чисты. - И он задал неожиданный вопрос: - Сегодня вечером ты работаешь?

- Работаю.

- Выручку соберешь большую? Тысяча рублей набежит?

Анна Павловна рассмеялась:

- Много больше!

Валентин Петрович удовлетворенно потер руки:

- Прекрасно! Сегодня вечером я тебя ограблю! Я отниму у тебя мешок с деньгами!

- Предатель! - закричал Мячиков. - Я не хочу грабить Анну Павловну! Я не хочу вас грабить! - повторил он нежно, обращаясь непосредственно к любимой.

- Ты и не будешь грабить! - отмахнулся от него Воробьев. - Ты будешь расследовать это преступление. - И он повернулся к Анне Павловне. - Давай обсудим, соседка, как я отниму у тебя мешок.

- Минуточку! - возбужденно заговорила инкассатор. - Вы так это подаете, словно я согласна. А я не согласна!

- Аня, не соглашайтесь! - поддержал ее Николай Сергеевич.

- А я не понимаю, почему ты противишься? - Воробьев не спешил. Он был готов потратить известное количество времени, чтобы уговорить Анну Павловну стать жертвой. - Ты сразу заявишь в милицию, дело поступит в прокуратуру, его поручат Коле, он завтра же найдет деньги, и его не отправят на пенсию!

- Как я найду эти деньги? - продолжал сопротивляться следователь.

- Балда, я же тебе их сам отдам!

- Но у меня оружие! - нервничала Анна Павловна. - Я обязана в вас стрелять!

- А ты промахнись! - Воробьева уже ничто не могло поколебать.

Анна Павловна пыталась образумить его бандитский пыл:

- Но вас посадят!

- Какие вы все бестолковые, с кем приходится работать! - Воробьев искренне огорчился. - В милиции ты, Аня, опишешь не мои приметы, а какие-нибудь другие, а следователь, - тут Воробьев ткнул пальцем в Николая Сергеевича, - вернет государству деньги, а жулика не схватит. Все это элементарно!

- Ради вас, Николай Сергеевич, я готова на все! Но я - честная женщина, - твердо, как на митинге, объявила Анна Павловна, - и на сделку с совестью не пойду!

- За это я вас и люблю! - не удержался от признания Николай Сергеевич, но Воробьев не обратил на его слова ни малейшего внимания и терпеливо сказал:

- Ну что ж, начнем сначала! Итак, Аня, какие объекты ты обслуживаешь? Желательно выбрать объект в глухом переулке, чтобы меньше было свидетелей.

- Но я не согласна! - повысила голос Анна Павловна.

- Знаю, что не согласна, не кричи! - осадил ее Воробьев. - Значит, обсудим все детали... - Он явно намеревался взять противника на измор.

- Валя! - вмешался Мячиков. - Не будем грабить Анну Павловну. Давай нападём на ее подругу!

- Какую еще подругу? - от неожиданности Анна Павловна даже вздрогнула.

- Любую. Вон их сколько. - Николай Сергеевич показал на женщин, которые толпились возле мишеней.

- Но любая из них пристрелит Валентина Петровича в два счета! - Анна Павловна не могла успокоиться.

- А мы ее во все посвятим! - сказал Воробьев, которому, в сущности, было все равно, кого грабить.

- Я не доверяю женщинам! - решительно возразила Анна Павловна. - Я их знаю лучше вас!

- Как же тогда поступить? - приуныл Николай Сергеевич.

Анна Павловна пожалела его и сказала в сердцах:

- Никаких подруг не будет! От вас не отвяжешься! Грабьте меня!

...Вечером Валентин Петрович собирался на дело. Мячиков вертелся рядом и зудил:

- Валя, не ходи!

Валентин Петрович не слушал, он был увлечен подготовкой. Прежде всего он надел джинсы. В американских фильмах, как правило, грабят в джинсах, и, вероятно, это не случайно. Затем он надел кеды, чтобы удобно было бежать и чтобы ноги не скользили. От шляпы Воробьев отказался, она могла соскочить на ходу от ветра. А он собирался убежать от погони со скоростью ветра. Туалет уголовника завершила зеленая подростковая ковбойка с засученными рукавами. Валентин Петрович посмотрелся в зеркало и спросил у Мячикова:

- Ну, как я? Хорош?

- Валя, не ходи! - чуть не плакал следователь.

И судьба приняла его сторону. Судьба уберегла Воробьева от преступления. Он остался дома, но не потому, что передумал. Рембрандтовская эпопея не прошла бесследно. У Валентина Петровича было больное сердце, оно не выдержало перегрузки и подвело в решающий момент. Валентин Петрович застонал и повалился на бок. Мячиков быстро дал ему таблетку нитроглицерина, но боль не отпускала. Мячиков позвал Марию Тихоновну. Вдвоем они уложили

Воробьева на диван. Мария Тихоновна заспешила в соседнюю комнату и стала по телефону вызывать врача.

- Тебе не легче, Валя? - нежно спросил Николай Сергеевич, снимая с друга кеды.

- Ты пойдешь вместо меня! - ответил Воробьев.

Известно, что гвардия умирает, но не сдается. А Валентин Петрович был в душе гвардейцем.

- Я не могу, я не хочу, я не пойду! - наотрез отказался Николай Сергеевич, потому что он тоже был гвардейцем в душе.

- Не трать много слов. Иди!

- Я не могу оставить тебя в таком состоянии!

- Я знаю, что ты благороден! Но обо мне позаботится Маша.

- Я не умею грабить...

- Научишься! - тихим голосом сказал больной.

- Пожалей меня, Валя! - взмолился Николай Сергеевич.

- Иди! Это воля умирающего! А воля умирающего - закон!

- Валя, не умирай! - Мячиков встал на колени.

- Прекрати меня волновать! Мне это вредно. Иди! Аня ждет!

И тогда Мячиков склонился над командующим, поцеловал его, встал с колен и, пошатываясь, вышел.

Он не был подготовлен к грабежу ни внутренне, ни внешне. На нем даже не было джинсов. Он шел на дело в обыкновенных полосатых брюках...

В художественной литературе существует неукоснительная традиция. Герои книг расправляются со своими возлюбленными кто как может.

Отелло, например, придушил Дездемону собственными руками. Атос выжег на гладком плече миледи позорное клеймо. Клайд из «Американской трагедии» утопил Роберту в озере. Рогожин, Хосе и Алеко зарезали соответственно Настасью Филипповну,

Кармен и Земфиру. Вронский довел Анну до того, что она бросилась под поезд. Бедная Лиза предпочла кинуться в пруд, наверное, потому, что тогда еще не существовало железных дорог. Лермонтовский Арбенин накормил Нину ядом.

Но рекордсменом мира в этом виде спорта стал легендарный мужчина по прозвищу Синяя Борода. Он отправил на тот свет семь жен по очереди.

Иностранный поэт сказал об этом мужском хобби так:

Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один - жестокостью,
другой -
Отравою похвал.
Трус - поцелуем, тот, кто смел —
Кинжалом наповал.^[1]

Правда, в советской литературе герои возлюбленных не трогают, герои до них вообще не дотрагиваются. Время другое, и писатели тоже другие.

Николай Сергеевич, который отправился грабить Анну Павловну, открывал в этом смысле новую главу - главу шестнадцатую.

Глава шестнадцатая

Николай Сергеевич вынырнул из мрака и возник возле булочной, расположенной в тихом переулке. В руке Николай Сергеевич держал гладиолус. Булочная как раз закрывалась, продавщица выпустила последнего покупателя и заперла дверь на железный крюк.

Николай Сергеевич заглянул в окно и увидел, что кассирша пересчитывает дневную выручку. Следовательно, Анна Павловна еще не заезжала. Мячиков решил спрятаться. Он огляделся. Рядом с булочной была телефонная будка. Мячиков забрался внутрь. Телефонный аппарат безжизненно висел на стене, болтался обрывок шнура, а трубка была срезана. Это огорчило Николая Сергеевича. Он собирался позвонить Воробьевым и узнать у Марии Тихоновны, как себя чувствует несостоявшийся грабитель.

Мысленно Николай Сергеевич оправдывал свое поведение. По сути дела, он не собирался совершать ничего предосудительного. Эту шалость несправедливо было бы называть грабежом. Просто он одолжит у государства деньги буквально на одну ночь. На следующий день он их вернет в целостности и сохранности. От того, что деньги переночуют у него дома, а не в банке, в стране ничего не изменится.

Вскоре к булочной подкатила «Волга», на кузове которой было почему-то написано «Связь». Из машины вышла Анна Павловна и, тревожно озираясь, постучала в дверь условленным стуком. Ее тотчас впустили.

Николай Сергеевич продолжал наблюдать. Переулок был пустынным. Шофер инкассаторской машины прислонил голову к рулю и дремал, хотя по

инструкции он не имел права ни на секунду сомкнуть глаз.

Николай Сергеевич покинул убежище.

Хлопнула дверь. Из булочной появилась Анна Павловна с брезентовым мешком в руках.

- Добрый вечер, Аня! - робко сказал Мячиков.

- Зачем вы пришли? - Анна Павловна была в недоумении.

- Валентин Петрович заболел!

- Слава Богу! - вырвалось у Анны Павловны. - То есть я хотела сказать, что с ним?

- Приступ стенокардии, поэтому грабить вас буду я, - мирно объяснил Мячиков и вручил гладиолус. - Больше никому!

- Спасибо, - поблагодарила за цветок Анна Павловна. - Но вы же должны не грабить, а расследовать!..

- Мне придется делать и то и другое... - грустно сказал Николай Сергеевич. - Не сердитесь на меня, Аня! Давайте мешок, и я побегу. А вы кричите «караул!» и стреляйте в воздух. Только не сразу, а то меня поймают! - И он потянул мешок к себе.

- Я боюсь за вас! - Анна Павловна вцепилась в мешок обеими руками. - А вдруг вас схватят?

- Я не могу поступить иначе! - Мячиков упорно пытался отобрать деньги. - Это воля умирающего!

- Разве Валентин Петрович так уж плох? - ахнула Анна Павловна.

- Надеюсь, что нет. Но все равно, его слова для меня святы!

Николай Сергеевич изо всех сил тянул мешок к себе, но Анна Павловна была сильнее.

- Я вам не позволю этого сделать. Вы мне очень дороги...

- Я вам дорог? - забыв про конспирацию, вскричал Николай Сергеевич, вырвал мешок с деньгами и

побежал.

Крик счастья разбудил водителя. Он не был посвящен в сговор и, увидев, что инкассатора грабят, истошно завопил:

- Стой! Стрелять буду!

Николай Сергеевич вздрогнул и припустился что было сил, хотя их было совсем немного.

Шофер нажал на сигнал, и зловещий автомобильный рев заполнил сонный переулок. Покинуть машину шофер не мог, потому что на заднем сиденье лежали мешки с деньгами, собранными в других магазинах. Шофер включил двигатель и погнался за похитителем.

Проезжая мимо Анны Павловны, шофер возмущенно крикнул:

- Что же вы не стреляете?

Анна Павловна стояла не двигаясь, замерев от страха за своего Николая Сергеевича. Она понимала, что все кончено, что нареченному не убежать от автомобиля. Теперь у нее не оставалось иного выхода, как открыть боевые действия, хотя бы для видимости.

- Караул! Грабят! - негромко запричитала Анна Павловна и не торопясь полезла в кобуру. Она достала пистолет, побежала догонять машину и на бегу несколько раз пальнула в воздух.

При звуке выстрелов Николай Сергеевич шмыгнул во двор.

Автомобиль повернул за грабителем.

Анна Павловна повернула за автомобилем.

Водитель включил дальний свет. В его лучах испуганно заметался человек с мешком.

Впереди возник забор. Николаю Сергеевичу стало ясно: попался. Но нет на свете забора, в котором, чтобы было ближе пройти к троллейбусной остановке, не проделали бы дыру.

Мячиков юркнул в нее и оказался в соседнем дворе.

Автомобиль, конечно, никак не мог протиснуться в узкую дыру вслед за грабителем. Но шофер не растерялся. Он подобрал валяющиеся во дворе две длинные и толстые доски, приложил их к забору так, чтоб середина досок легла на верхнюю кромку изгороди. Доски находились друг от друга на ширине колес и выглядели словно два рельса. Шофер, как принято во всех детективных историях, был «первоклассным», и «Волга» медленно въехала на доски и повисла над забором. Задние концы досок под тяжестью автомобиля оторвались от земли, передние тоже замерли в воздухе. «Волга» стала покачиваться, как на качелях. Потом под тяжестью двигателя передние концы досок опустились. Машина медленно, плавно сползла на землю по другую сторону ограды. Этот фантастический переезд, к сожалению, никто не видел, и поэтому доказать, что он действительно состоялся, практически нельзя. Единственный свидетель, Анна Павловна, не наблюдала за машиной. Она гналась за любимой и отважной спиной, которая убегала от нее, унося мешок с деньгами.

Николай Сергеевич выдохался. Бежать дальше он не мог, поэтому открыл дверь ближайшего подъезда и ввалился внутрь. Тогда шофер остановил автомобиль, крикнул Анне Павловне: «Постерегите деньги!» – и, не выключив двигателя машины, смело кинулся в парадное.

Анна Павловна опасалась, что шофер в пылу гнева не только схватит Мячикова, но заодно и прибьет. Забыв о служебном долге, она устремилась в подъезд, чтобы предотвратить расправу.

В глухом, темном дворе фыркал и вздрагивал заведенный автомобиль, полный денег, и манил к себе светом зажженных фар.

Шофер и Анна Павловна мотались по этажам, звонили в квартиры, но так и не сыскали Николая

Сергеевича. На последнем, шестом этаже преследователи обнаружили переход на соседнюю лестничную клетку. Они ринулись по переходу, а потом вниз по лестнице и через другой подъезд очутились в том же дворе, где бросили машину.

Мячикова и след простыл.

- Поедем в милицию! - сказала Анна Павловна, радуясь тому, что Николай Сергеевич оставил их в дураках. - Надо заявить! - вспомнила она распоряжение Воробьева.

Водитель и Анна Павловна забрались в машину. Машина стояла, приткнувшись носом к дому. Выехать со двора можно было, только подав назад. Но Анна Павловна не знала, что у задних колес автомобиля лежал ее бездыханный возлюбленный. Он упал без чувств в таком неподходящем месте только потому, что именно здесь иссякли его последние силы.

Водитель включил заднюю скорость, завертели колеса, и над жизнью Мячикова нависла угроза, но Николаю Сергеевичу не было суждено быть раздавленным, иначе писать стало бы не о ком и повесть осталась бы неоконченной. Поэтому машина проехала над телом Мячикова, даже не задев.

Мячиков полежал не двигаясь. Потом открыл глаза, поднял голову и сел. Рядом валялся мешок с деньгами. Мячиков подобрал его, поднялся и, пошатываясь, пошел к воротам.

В подворотне он остановился и начал хохотать. Взошла луна, чтобы осветить героя, которого сотрясал истерический смех.

Мячиков смеялся потому, что невероятная затея удалась, что деньги у него в руках, что завтра он придет к Федяеву и выложит их на стол, Федяев растроганно пожмет ему руку и оставит на работе.

В этот кульминационный миг злой рок приблизился к Николаю Сергеевичу в образе двухметрового громилы

и спросил сочным басом:

- Закурить не найдется?

- Я некурящий! - глупо хихикнул Мячиков, не предчувствуя назревающей трагедии.

- Ах, ты еще и некурящий! - презрительно ухмыльнулся громила, ткнул старика в грудь, отчего тот повалился на мостовую, выхватил злополучный мешок и кинулся в подворотню.

Николай Сергеевич вскочил и устремился вдогонку. Он хотел было крикнуть «держите вора!», но вспомнил, что не имеет на это права. Однако соревноваться в беге с молодым длинноногим парнем Мячиков не мог. Пока он видел вдали долговязую фигуру, он еще бежал за ней, но вскоре она исчезла из виду, и Николай Сергеевич остался один.

Он разыскал телефон-автомат, где еще не успели срезать трубку, и набрал номер Анны Павловны.

Анна Павловна сразу ответила.

- Это я! - грустно сказал Мячиков.

- Слава Богу! - отозвалась Анна Павловна. - Я тут с ума схожу!

- Пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошо! Как Валентин Петрович?

- Я ему обо всем рассказала, и он тоже волнуется! Где вы?

- Я вам звоню из автомата, - объяснил Мячиков.

- Я сейчас зайду к нему и успокою. Он не спит.

- Врач у него был?

- Был. У Валентина Петровича приступ стенокардии. Ничего страшного. Надо полежать два-три дня.

- Завтра я приступлю к расследованию! - сказал Николай Сергеевич. Он не хотел огорчать друзей, он их любил и поэтому закончил так: - У меня в руках, Аня, мешок с этими деньгами! Кстати, сколько их там?

- Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек! - с профессиональной точностью

сообщила Анна Павловна.

Николай Сергеевич похолодел:

- Какой ужас!

- Что вы сказали?

- Я сказал - спокойной ночи, Аня!

Мячиков повесил трубку.

Разговор дался ему нелегко. Он был ни жив ни мертв. Он повторил про себя:

- Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек!

Бедный Николай Сергеевич!

Глава семнадцатая

- Николай Сергеевич, - говорил назавтра Федяев, - мы с вами оба юристы. И знаем, что насильно отправить человека на пенсию почти невозможно. Когда вы наконец подадите заявление?

- Что у вас с головой? - ушел от ответа Николай Сергеевич.

Голова у Федяева была туго перебинтована.

- Да ерунда! - как обычно, отмахнулся Федор Федорович. - Бандитская пуля!

- Не подам я на пенсию! - как обычно, уперся Мячиков.

- Тогда я поручу вам безнадежное дело. А потом уволю как не справляющегося с обязанностями!

- Хотите поручить мне дело о грабеже инкассатора? - усмехнулся Николай Сергеевич.

- Угадали, - не стал спорить Федяев. - Найти грабителя в многомиллионном городе...

- Вам это действительно не под силу! - нахально сказал Мячиков. - А мне раз плюнуть. Вы меня недооцениваете! - Мячиков поднялся со стула и шагнул к выходу. - Посоветуйте вашему Проскудину подыскивать себе другое место!

Мячиков вышел из кабинета, и от его уверенности сразу же не осталось и следа. Он находился сейчас в нелепейшем положении. Он знал приметы долгового громилы, которого нужно было искать, но не имел возможности его искать. Ведь этим он бы сразу себя выдал. Однако для начала ему необходимо было соблюсти проформу: допросить шофера инкассаторской машины и потерпевшую Анну Павловну Суздаlevу.

«Ничего, что-нибудь придумаю...» - тоскливо думал Мячиков, едучи вместе с милиционером Петей в гараж,

где стояла машина, в которой Анна Павловна перевозила мешки с деньгами.

Мячиков повел следствие в кабинете, который уступил ему начальник гаража. Николаю Сергеевичу вовсе не хотелось допрашивать водителя инкассаторской машины. Было мало шансов, что он сообщит что-нибудь новенькое. Он мог показать на следователя пальцем и заявить во всеуслышание:

- Вы грабитель!

Но не вызвать очевидца было невозможно. Николай Сергеевич пошел на вынужденный риск. Он решил положить голову в пасть водителя. Нарушая все юридические правила, Мячиков вызвал его в присутствии потерпевшей Анны Павловны и бесстрашно сказал:

- Опишите, пожалуйста, приметы человека, который похитил вчера у товарища Суздалевой мешок с деньгами!

Как каждый честный человек, шофер был напуган тем, что его вызвали к следователю. Но, взглянув в голубые, невинные глаза Мячикова, шофер почувствовал к нему доверие и успокоился:

- Старик ограбил! Это точно! На вас похожий!

- Да нет, - кинулась на выручку Анна Павловна, - среднего роста, парень лет двадцати, не больше... блондин...

- Да не молодой! - заспорил водитель. - Старик! Когда он удирал, я думал, что он на ходу рассыплется!

- Что ж ты тогда его не схватил? - ехидно спросила Анна Павловна. - И не спорь со мной! Меня грабили, а не тебя!

- В чем же он был одет? - продолжал допрос Мячиков.

- Обыкновенно, - сказал водитель, - пиджак, брюки...

- Какой пиджак? - притворно возмутилась Анна Павловна. - Что ты, слепой, что ли? Спортивная куртка и тренировочные брюки!

- Очень странно, что вы даете такие противоречивые показания! - заметил милиционер Петя, который тоже присутствовал при допросе.

Слова Пети вынудили Мячикова попросить водителя:

- Пожалуйста, опишите приметы поподробнее!

- Можно попросить вас встать? - осмелев, сказал допрашиваемый.

Следователь послушно встал.

- Повернитесь теперь спиной! - продолжал водитель. - А то я видел его только со спины!

Следователь с той же покорностью повернулся к свидетелю тылом.

- У него фигура в точности как у вас! - сравнивал водитель. Его осенила счастливая мысль: - Если здоровье позволяет, побегайте немного!

- Бегать здесь негде! - Анна Павловна раскусила коварную идею.

Однако Мячиков боялся, что отказ может навлечь на него подозрение:

- Ничего, я попробую!

Следователь затрусил на месте, усердно двигая ногами.

Водитель долго всматривался:

- Очень похож. Если б вы не были следователем, я бы так и сказал: это вы грабили!

Николай Сергеевич прекратил отбивать чечетку. Отдышавшись, он зафиксировал показания: «Манера бега такая же, как у следователя Н. С. Мячикова» - и улыбнулся, удивляясь собственной наглости:

- Боюсь, меня бы вы сразу догнали!

- Вас бы я догнал! - улыбнулся шофер в ответ. - А вот тот мчался быстрее автомобиля.

Мячиков подал знак милиционеру, и Петя вмешался в разговор:

- Пройдемте, товарищ водитель, я осмотрю машину!

Они ушли, и Анна Павловна, забыв о конспирации, спросила напрямик:

- Вы уже вернули деньги?

- Нет, еще рано! - шепнул в ответ Николай Сергеевич.

Разговор с Анной Павловной был для него пыткой. Хотя допрашивать должен был он сам, Мячиков опасался, и не без оснований, что допрашивать станут его, а он не устоит и все выдаст. Мячикову очень хотелось рассказать Анне Павловне правду. Но он боялся ее огорчить, и кроме того, мешала мужская гордость, которая еще доживала в нем свой век.

- Сразу вернуть деньги - это подозрительно! - И Мячиков неожиданно добавил: - Я прошу вас, товарищ Суздалева, переменить показания и заявить, что вас ограбил высокий, очень высокий мужчина. Он спросил у вас басом: «Закурить не найдется?», а когда вы ответили: «Я некурящая», он отнял у вас мешок и исчез!

- Но деньги-то у вас! Какое имеет значение, как выглядит грабитель, которого не было! Ведь мы договаривались, что вы вернете деньги, а вора не поймаете! Вы же не можете ловить сам себя!

- Значит, так... - Следователь старался не смотреть на допрашиваемую. - Поскольку вас ограбил высокий мужчина...

- Меня не он ограбил, а вы! - Анна Павловна не на шутку рассердилась. - Перестаньте финтить и немедленно верните деньги!

Анна Павловна самовольно прекратила следствие и ушла, плотно прикрыв за собою дверь...

Николай Сергеевич мучительно раздумывал над тем, как найти верзилу.

Не столько в жизни, сколько в детективной литературе бытует мнение, будто преступника тянет на место преступления. В мозгу Николая Сергеевича тлел слабый огонек надежды, что, быть может, дылда вновь появится в роковой подворотне.

Вечером Николай Сергеевич оделся потеплее и отправился проверять эту гипотезу. Наблюдательный пункт Мячиков оборудовал в парадном, из которого просматривалось место грабежа. Николай Сергеевич снял пальто, сложил его, постелил на батарее и, усевшись на нее костлявым задом, стал не отрываясь следить за улицей. Из парадного Николай Сергеевич видел всю подворотню, маленький кусочек черного неба, парикмахерскую напротив и фонарь, в который была ввинчена лампа дневного света. Фонарь плохо светил и противно жужжал.

Мячикову вспомнилось, как на заре карьеры он так же дежурил в подъезде, поджидая опасного рецидивиста. Наконец долгожданный рецидивист объявился, Николай Сергеевич бесстрашно кинулся на него, но тот опередил следователя, ударил его кастетом по голове, и Мячиков провалялся два месяца в больнице.

От давнего бандита мысли Николая Сергеевича переключались к нынешнему. Мячиков подумал о том, что если двухметровый детина придет на место преступления, а он, Николай Сергеевич, бросится на него и опять получит по голове твердым предметом, то сейчас ему не выкарабкаться. Шестьдесят лет – это не двадцать пять.

Галлюцинация Мячикова

Николай Сергеевич ясно представил себе, как он, окровавленный, валится на мостовую, «скорая помощь»

отвозит его в больницу и он там умирает, не приходя в сознание. Сколько хлопот, подумал Николай Сергеевич, доставлю я своей смертью друзьям и близким. Валентин Петрович вызовет, конечно, из Красноярска дочь и внука. Зять наверняка тоже примчится. В общем-то, он неплохой парень. Ему, бедняге, придется побегать с моими документами: надо сдать паспорт, получить свидетельство о смерти и еще какую-то справку, без которой не дают места на кладбище. С местом на кладбище будет долгая волынка. Проще всего пробиться в крематорий, но не хочется. О Новодевичьем кладбище нечего и мечтать. Оно вроде музея, только для знаменитостей. А вот с Ваганьковским, может, и выгорит. В нашей прокуратуре не так давно проходило дело о спекуляции свечами именно на Ваганьковском кладбище, и теперь у Федяева там большие связи... Гроб тоже нелегко достать. Но ничего, пошлют кого-нибудь из оперативников, и он выбьет!

А потом Николай Сергеевич представил себе, как его хоронят. Автобус с черной полосой на кузове медленно въезжает в центральные ворота. Оркестра, конечно, не будет. Впрочем, Валентин Петрович может настоять, чтобы оркестр заказали, с оркестром торжественнее и грустнее. А если все-таки обойдется без музыки, то нервы присутствующим будут терзать гудки тепловозов. Как раз вдоль кладбища проходит железная дорога.

Те, кто не пришел на панихиду в прокуратуру, станут дожидаться траурного кортежа в специальном помещении и смотреть в окно: не еду ли я? В этой комнате, помнил Мячиков, висит стенная газета с социалистическими обязательствами ваганьковских работников. Они начинаются словами: «Наше кладбище – любимое место отдыха москвичей». Да, это верно. Там я наконец отдохну от этой жизни...

Фантазия Мячикова разыгралась вовсю, и он увидел себя в гробу, одетым в белый костюм, сшитый бывшим уголовником. Из гроба Николай Сергеевич любовался внуком, который вырос и возмужал. Мячиков укорил себя за то, что в прошедшей жизни редко ездил в Красноярск. Потом Николай Сергеевич перевел взгляд на рыдающую дочь, которую бережно поддерживал муж. А после он посмотрел на Анну Павловну, убитую горем. «Наверное, она меня любила!» – улыбнулись одновременно двое – живой в подъезде и покойник в гробу. И тут же покойник услышал, как хоккеист Володя, наклонившись к матери, прошептал ей на ухо:

– Мама, ты не сердись! Я должен уйти, иначе опоздаю на игру!

Затем Мячиков, который устал лежать на спине, да еще на твердой доске, повернулся на правый бок и встретился взглядом с Федяевым. Возле Федяева, сняв головной убор, скорбно стоял Проскудин.

– Неужели вы, Федор Федорович, посадите эту скотину на мое место? – замогильным голосом спросил Мячиков.

Проскудин нисколько не удивился тому, что мертвец разговаривает:

– Вам-то теперь все равно!

– Нет! – гордо ответил Николай Сергеевич.

– Чего с ним, с мертвым, лясы точить! – сказал Проскудин Федяеву и отвернулся.

Мячиков хотел было возразить, но в это мгновение перед глазами усопшего возникло залитое слезами лицо Воробьева, который тянулся губами к его холодному лицу. До этого дня Мячиков никогда не видел друга плачущим. Душераздирающее зрелище настолько потрясло Николая Сергеевича, что он выскочил из гроба и пустился наутек подальше от страшного места.

Потом он спохватился, и ему стало стыдно за свое поведение. Люди пришли его хоронить, а он сбежал, оставив гроб пустым. Мячиков вернулся, отыскал в толпе Проскудина, схватил его в охапку и, преодолев сопротивление, уложил в гроб. Потом Мячиков отнял у могильщика молоток и гвозди и проворно заколотил крышку гроба...

...Когда Николай Сергеевич очнулся от галлюцинации, то обнаружил, что выскочил из засады и стоит сейчас в подворотне, на том самом месте, где на него напал громила. Мячиков перевел дух, с облегчением осознал, что гробы и похороны ему только причудились, и вернулся к прекрасной действительности. Он снова забрался в подъезд и занял наблюдательную позицию...

Пока Николаю Сергеевичу мерещились собственные похороны, Валентин Петрович устроился в кресле напротив телевизора. Врачи разрешили больному подняться, и сейчас он предвкушал удовольствие от предстоящего хоккейного матча. Рядом с Воробьевым примостился внук Витя. Хозяйка дома, Мария Тихоновна, хоккей не любила и возилась на кухне, готовя ужин. Зато пришла Анна Павловна, потому что в одной из команд играл Володя, а у Воробьевых экран телевизора был значительно больше, чем у нее.

Валентин Петрович находился в приподнятом настроении. Коля удачно ограбил Аню, и Валентин Петрович был уверен, что теперь Мячикова не сошлют в пенсионеры.

Перед началом игры долго показывали по телевизору зрителей. Валентин Петрович высматривал среди них дочь, которая пошла на стадион смотреть Володину игру.

К концу первого периода команда, где играл Володя, вела со счетом 2:1. Первый гол забили с подачи

Володи, а второй он забил сам, обведя двух защитников и влетев в ворота противника вместе с шайбой.

Валентин Петрович ликовал. Он знал Володю с детства, любил его и втайне хотел, чтобы Люся вышла за него замуж. Анна Павловна откровенно гордилась сыном, а Витя кричал изо всех сил:

– Вовка, воткни им еще одну!

Несчастье случилось на последней минуте первого периода. Защитник вражеской команды, желая остановить Володю, который опять рвался к воротам, зацепил его клюшкой за ногу. Володя с размаху упал и остался лежать на льду. Матч был остановлен. На экране крупно показали Володю с искаженным от боли лицом. Над ним столпились игроки и судьи.

Анна Павловна заплакала и прижала руки к лицу. Воробьев возмущенно ругался. Витя притих.

Вопреки традициям телевидения, где никогда не показывают неприятного, на этот раз камера не отрывалась от Володи. Наверное, режиссер передачи надеялся, что Володя сейчас встанет, но тот продолжал лежать.

– Володя, что с тобой?! – страдальчески вскричала Анна Павловна, не в силах оторвать глаз от экрана.

Володя не отвечал.

Телевизионная камера резко повернула в сторону, и все, кто смотрел передачу, увидели Люсю, которая пробралась к барьеру, отделявшему зал от ледяного поля. Увернувшись от милиционера, Люся перемахнула через борт и заскользила к Володе. Трибуны пришли в восторг.

На поле с носилками выбежали санитары. Они уложили на них Володю и понесли. Люся шла рядом, держа Володю за руку. Она наконец поняла, что нет на земле человека, который был бы ей дороже, чем этот хоккеист. А его лицо, несмотря на боль, сияло счастьем.

Защитник, сломавший Володе ногу, был, разумеется, строго наказан: его удалили с поля на две минуты.

После этого матч возобновился.

Анна Павловна не могла больше оставаться у телевизора. Она выбежала из квартиры и, плача, кинулась искать такси, чтобы поскорее добраться до стадиона.

Несчастливая ночь, которую Анна Павловна и Люся провели в больнице, где чинили ногу Володе, а Николай Сергеевич мерз в подворотне, дожидаясь громилы, тянулась долго-долго. Наконец бледный луч рассвета нехотя сполз с неба и осветил захудалую фигуру Мячикова. Николай Сергеевич понял, что дальше ждать бессмысленно, и несолоно хлебавши покинул боевой пост.

Глава восемнадцатая

- Он бежал вот от тех сараев и юркнул в этот подъезд! - Анна Павловна показывала Федяеву и Мячикову маршрут, по которому вор лихо ушел от автомобильной погони.

- Понятно! - Николай Сергеевич кивнул с таким серьезным видом, будто ему сообщили что-то новое и важное. - Я думаю, можно приступать!

- Это бессмысленно! - усмехнулся прокурор. - Я приехал сюда только из уважения к вашему легендарному прошлому.

- Поверьте нюху старого волка! - настаивал Мячиков. - Он спрятал деньги где-то здесь, когда спасался бегством.

Федяев насмешливо поглядел на Николая Сергеевича:

- Вы полагаете, жулику было тяжело тащить мешок?

- Они часто так поступают, - развивал свою версию Николай Сергеевич. - Мешок - это улика. Лучше его припрятать, а потом прийти за ним!

- Но у преступника было достаточно времени, чтобы возвратиться и забрать спрятанное! - разумно заметил Федор Федорович.

Мячиков вздохнул:

- Да, шансов на успех у нас немного, но тем не менее...

Детективы в содружестве с потерпевшей Анной Павловной приступили к поискам. Они обшарили обе лестничные клетки, где метался жулик, а вернувшись во двор, принялись совать руки в жерла водосточных труб. Усердствовали, собственно говоря, двое - Мячиков

и Анна Павловна, Федяев со скептическим видом сопровождал энтузиастов и давал шуточные советы.

Когда Николай Сергеевич запустил руку в очередную трубу, лицо его исказилось от волнения:

- Здесь что-то есть!

- Что там может быть? - спросил прокурор, которому надоела вся эта возня.

Николай Сергеевич поднатужился и извлек из водосточной трубы пыльный, испачканный в ржавчине инкассаторский мешок.

Федяев не верил глазам, а Анна Павловна радостно прошептала:

- Ура!

- Николай Сергеевич! Вы утерли мне нос! - озадаченно сказал Федяев.

- Подождите меня хвалить, - перебил Мячиков, - пломба сорвана, может быть, мешок пуст?

Федяев вырвал у следователя мешок, полез рукой внутрь и нащупал деньги. Инкассатор с профессиональной быстротой пересчитала купюры. Их оказалось одна тысяча пятьсот семьдесят два рубля и еще шестнадцать копеек.

- Но украли две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек! - опешила Анна Павловна. - Куда девались восемьсот рублей?

- Очень просто! - скромно сказал великий сыщик. - Преступник на бегу сорвал пломбу, вытащил из мешка пачку денег, переложил в карман, а остальные спрятал на потом!

- Что за ерунду вы несете? - не выдержала Анна Павловна.

- По-вашему, я присвоил себе эти восемьсот рублей! - вспылил Мячиков, и Федяев воззрился на него с удивлением.

- Этого я не говорила. Но вы мне объясните, куда они подевались? - продолжала негодовать Анна

Павловна.

- Наверное, преступник их истратил, - высказал справедливое предположение прокурор.

- То есть как это - истратил? - Анна Павловна была вне себя. - На что он их истратил и по какому праву?

- Я их не тратил! - оправдываясь, Мячиков забыл, что выдает себя.

Анна Павловна смерила его презрительным взглядом:

- Я была о вас другого мнения. Я думала, что вы... А вы!.. - И она пошла к воротам.

- Куда вы, товарищ Суздалева? - закричал ей вслед прокурор. - Вы должны подписать протокол.

- Я не желаю участвовать в этом грязном деле! - не оборачиваясь, ответила Анна Павловна.

Николай Сергеевич бросился вдогонку, чтобы все объяснить. Он настиг ее, когда она уже вышла на улицу и подходила к троллейбусной остановке.

- Анна Павловна... - начал было Мячиков, но она тут же прервала его:

- Я не могу теперь смотреть в глаза людям. Как вам только не совестно! Я не желаю вас видеть! Никогда! - И Анна Павловна вскочила в троллейбус.

Оплеванный ухажер вернулся к своему начальству.

- Вздорная баба! - пожал плечами Федяев.

- Не смейте ее обижать! - заступился за Анну Павловну Мячиков. - Вы не знаете, какая это необыкновенная женщина! - При этом он побагровел, прерывисто задышал, а правый глаз у него задергался.

Испугавшись, что Мячикова хватит удар, Федяев поспешно перевел разговор на профессиональную тему:

- А преступника вы еще не нашли?

Этот вопрос мгновенно превратил Мячикова из рыцаря-заступника в служащего.

- Иду по следу... - бесперспективно проямлил он.

Составив протокол об обнаружении денег в трубе, детективы уехали. Сразу после их отъезда разыгрались события, не предусмотренные следственными органами. Воодушевленные находкой сыщиков, пионеры и пенсионеры, которые присутствовали при подписании протокола, переломали в округе все водосточные трубы. Но не нашли ни копейки...

Николай Сергеевич возвращался домой в смятенном состоянии. Он думал о разрыве с Анной Павловной, о том, что она его никогда не поймет. А не понять – значит не простить!

Перед домом Мячикова разгуливал Валентин Петрович. Еще издали увидев его могучую фигуру, Мячиков отвлекся от невеселых мыслей, обрадовался и ускорил шаг:

– Как я счастлив, Валя, что ты выздоровел!

– А что же ты ко мне не заходил? – спросил Валентин Петрович. – Прятался от меня?

– Зачем мне от тебя прятаться? – Мячиков насторожился.

Воробьев шагнул к подъезду:

– Поднимемся к тебе, надо поговорить!

– Лучше погуляем! Смотри, какая славная погода, солнышко светит! – Голос Мячикова прозвучал фальшиво, но Воробьев этого не заметил.

– Я не возражаю. – Валентин Петрович взял друга под руку, и они медленно пошли по улице. – Учти, я уже обо всем догадался.

– О чем? – состроил невинное лицо Николай Сергеевич.

– Ты ведь внес только полторы тысячи?

– Откуда ты знаешь?

– Аня сообщила.

– Она подумала, что я присвоил эти восемьсот рублей! – Мячиков остановился и с тоской заглянул Воробьеву в глаза.

- Мы ее разубедим, - отмахнулся Валентин Петрович, который был далек от лирики. - Я сопоставил факты: ты просил Аню дать показания, что ее ограбил высокий мужчина. Потом ты, оказывается, одолжил у Ани инкассаторский мешок... - Валентин Петрович выдержал долгую паузу. - Теперь я тебе опишу, как было дело. Ты перекладывал деньги из мешка в карман или в портфель, точно я не знаю. Ты был неосторожен и занимался этим на улице. Ты успел переложить

полторы тысячи, когда к тебе подошел высокий мужчина и спросил: «Закурить не найдется?!»

- Я некурящий! - как автомат, отозвался Мячиков.

- «Ах, ты еще и некурящий!» - сказал уголовник и отнял у тебя мешок, в котором оставалось восемьсот рублей. - Воробьев гордился своей пронизательностью. - Что ты можешь сказать в свое оправдание?

- Ничего! - безропотно ответил Мячиков.

Закапал дождь.

- Пошли к тебе! - скомандовал Воробьев, но Мячиков был негостеприимен:

- Лучше постоим где-нибудь под навесом! Свежий воздух, теплый дождь. Это нам полезно!

Они укрылись под козырьком, который нависал над витриной книжного магазина. Валентин Петрович полез во внутренний карман, достал из него пакет и протянул Мячикову.

- Что это такое? - Мячиков на всякий случай отодвинулся.

- Восемьсот рублей! - лаконично объяснил друг.

- Я не возьму! - заупрямился Николай Сергеевич.

Воробьев повысил голос:

- Ты хочешь, чтобы мы с тобой стали нечестными людьми? В старости угрызения совести мучают даже негодяев. Они совершают добрые поступки, как бы замаливая грехи. А мы с тобой жили честно, и давай помрем тоже честно.

- Ты даже не представляешь, как я с тобой согласен. Все это меня терзает, мучает. Я ночей не сплю!

- Бери деньги, Коля!

- Я не могу их взять! Что я скажу Федяеву? Где я их нашел?

- Ты опять подложишь их в водосточную трубу, - невозмутимо предложил Воробьев.

- Но это же курам на смех! - воскликнул Мячиков. Но Валентина Петровича ничто не могло поколебать:

- Ничего, выкрутишься!

- Но это, наверное, все твои сбережения?

- Не твое дело! - грубо ответил Валентин Петрович. - Бери!

И Мячиков взял.

Дождь усилился.

- Пойдем домой, холодно! - сказал Воробьев.

- Я очень люблю дождь! - упирался Мячиков. - Особенно когда проливной!

- Я боюсь простудиться. Я только что встал после болезни! - напомнил Валентин Петрович.

Подумав, что он подвергает друга опасности, Мячиков обреченно согласился:

- Пошли!

Когда промокшие старики добрались до квартиры Николая Сергеевича, он постоял у двери, явно колеблясь, потом вставил ключ в замок, впустил Валентина Петровича в дом, а сам задержался при входе.

Воробьев сделал несколько шагов и замер.

Комната была пуста. В ней не было мебели, люстры, ковра, телевизора. К стене одиноко жалась раскладушка, накрытая одеялом.

Мячиков остался в прихожей, не решаясь переступить порог и боясь встретиться взглядом с Валентином Петровичем.

- Теперь я понял все! - дрогнувшим голосом сказал Воробьев. - Ты поступил как настоящий мужчина!

Глава девятнадцатая

Восемьсот рублей, подаренные Воробьевым, жгли душу Николая Сергеевича. И он решил предпринять еще одну попытку, чтобы схватить грабителя. Мячиков проанализировал свои поступки и понял, в чем заключалась его ошибка. Когда он второй раз пришел на ночное дежурство в злополучную подворотню, то в его руках был туго набитый инкассаторский мешок. Сначала Мячиков хотел положить в мешок восемьсот рублей, тогда бы все было по правде, но потом отказался от этой идеи и набил мешок бумагой. Николай Сергеевич решил изобразить из себя приманку, надеясь, что грабитель, может быть, клюнет еще раз.

Всю ночь Николай Сергеевич мерил шагами гулкую подворотню, подводя печальные итоги.

- Кто я? - безжалостно казнил Мячиков самого себя. - Беспомощный, облезлый старик, которому действительно пора на свалку!

Снова хилый луч рассвета сполз с неба, приблизился к Николаю Сергеевичу и, как бы утешая, скользнул по нему. Мячиков понял, что и вторая попытка не удалась. Опустив голову, он покинул подворотню, и в этот момент мимо Мячикова проследовал человек двухметрового роста.

Николай Сергеевич спиной почувствовал врага. Он повернулся, догнал гиганта, забежал вперед и преградил ему путь:

- Доброе утро! Вот я вас и поймал!

Верзила - а это был тот самый верзила - посмотрел на Мячикова и тоже узнал его:

- В чем дело? Я вас вижу первый раз в жизни!

- Второй! - возразил Мячиков.

- Первый! - уперся верзила.

- Второй!
- Первый!
- Второй! - повторил Мячиков. - Что вы здесь делаете?

- А вам-то что? Может, я в этом доме живу.
- А почему утром возвращаетесь?
- А может, у меня ночная смена.
- Ну да, в вашей профессии любят ночные смены.
Спросите-ка меня: закурить не найдется?

- Не буду спрашивать! - наотрез отказался верзила.
- Почему?
- Не хочу!
- Почему не хотите?
- Я бросил курить! - нашелся дылда.
- Надоело мне с вами разговаривать по-хорошему! - рассердился Мячиков, выхватил пистолет и направил его на бандита. - Давайте деньги!

Верзила испуганно вскинул руки вверх и, заикаясь, спросил:

- К-какие деньги?
- Две тысячи триста семьдесят два рубля шестнадцать копеек!

- Таких денег у меня отродясь не было! - с притворным огорчением вздохнул громила.

Случайный прохожий увидел, что в подворотне грабят, и пустился наутек от греха подальше.

Мячиков пошарил по чужим карманам и обнаружил только рубль.

- Где остальные деньги?
- Не знаю, о чем говорите, товарищ грабитель!
- Я тебе не грабитель, я следователь! - И Мячиков предъявил служебное удостоверение.

Утро только начиналось, до девяти часов, когда открывалась прокуратура, была еще уйма времени. Вести верзилу домой Мячикову не хотелось. Сначала они погуляли по городу, посидели в сквере, потом

зашли в кафе, и Мячиков за свои деньги накормил верзилу завтраком. Ел верзила много и с аппетитом.

- Вижу вас в первый раз! - говорил верзила, выдирая сосиску из целлофана.

- Во второй! - не соглашался Мячиков.

- Первый!

- Второй!

Так продолжалось до девяти часов, когда Мячиков вместе с задержанным предстали перед Федяевым, у которого на этот раз была забинтована щека.

- Федор Федорович! - гордо заявил следователь. - Я нашел преступника!

- Я не преступник! - возразил гигант. - Он на меня клеветает!

- Значит, этот малый и ограбил Суздаlevу? - обрадовался прокурор. - Как вы его сцапали, Николай Сергеевич?

- Кого я ограбил? - искренне изумился верзила. - Какую еще Суздаlevу?

- Федор Федорович, - поспешно заговорил Мячиков, - тут все не так просто. Сейчас вы поймете. Суздаlevу он действительно не грабил. Он ограбил меня. Он отнял у меня мешок с деньгами. Только не этот, а другой. Этот мешок набит бумагой. - И Мячиков сначала показал прокурору инкассаторский мешок, который все еще таскал с собой, а потом вытряхнул из него на стол мятую бумагу-Федяев поглядел на бумагу, затем перевел настороженный взгляд на Николая Сергеевича и робко переспросил:

- Как это - у вас отнял? И не этот мешок, а какой? Что-то я не понимаю...

- Этот с бумагой, а тот был с деньгами! - терпеливо пояснил Мячиков.

- А как он к вам попал? - спросил Федяев.

- Очень просто! - наивно продолжал Николай Сергеевич. - Я уверен, что вы уже почти все поняли.

Дело в том, что инкассатора ограбил я!

- Он ограбил, а меня таскают! - востропелся
верзила.

- Как это вы ограбили? - растерялся прокурор. - В
своем ли вы уме, Николай Сергеевич? Что за чушь вы
несете!

- А грабить, как я убедился на собственном опыте,
очень легко! - гнул свою прямую линию Мячиков. -
Суздалева выходила из булочной, я вырвал у нее мешок
и побежал. В меня стреляли, но не попали, за мной
гнались на автомобиле, но догнать не смогли!

- На него это похоже! - неожиданно вставил
верзила. - Он и на меня с пистолетом лез!

- Я хотел отнять у него деньги, - не стал отпираться
Мячиков, - которые он отнял у меня!

- Что здесь происходит? - изнемогая, спросил
Федяев и бережно погладил распухшую щеку.

- Опять бандитская пуля? - сочувственно спросил
Мячиков.

- На этот раз - флюс. Зуб болел, а я его все не
лечил, и вот...

- Дорогой Федор Федорович! - мягко сказал
Мячиков. - Это зубная боль мешает вам понять...
Выслушайте внимательно. Вы отправляете меня на
пенсию, чтобы устроить на мое место Проскудина. И
тогда я граблю инкассатора, чтобы найти похищенные
деньги и благодаря своей прекрасной работе остаться
на службе. Это же все элементарно. Только вот он, -
Мячиков показал на верзилу, - отнял у меня деньги и
все испортил!

- Не я у него, а он у меня отнял последний рубль! -
возмутился задержанный.

- На тебе твой рубль! - закричал Мячиков. - Ты
лучше скажи, куда девал мешок с деньгами?

Верзила взял рубль, спрятал в карман и ехидно
спросил:

- А вы что, деньги мешками зарабатываете?
- Пожалейте меня! - взмолился Федяев, а верзила, уловив ситуацию, стукнул кулаком по столу:
- Отпустите меня, наконец!
- Федор Федорович, - запричитал Мячиков, - поймите, я ограбил Анну Павловну, когда она выходила из булочной...
- Пошли вон! Оба! - взревел несчастный прокурор.
- Что вы делаете, Федор Федорович! - ахнул Мячиков. - Вы отпускаете опасного преступника!
- Что тут у вас творится! - загремел верзила. - Сами грабят, а порядочных людей ни за что ни про что хватают на улице!
- Извини, пожалуйста, - сказал Федяев. - С кем не бывает!
- Пораспускались! Я жаловаться буду! - возмущенно крикнул верзила и покинул кабинет прокурора, сдерживаясь, чтобы не побежать.

Николай Сергеевич молчал.

Известно, что доказывать правду труднее, чем ложь. Правда часто выглядит неправдоподобно, тогда как ложь легко маскируется под правду. Правда скромна и не хвастлива, ей достаточно сознания того, что она - правда. Именно поэтому она нередко проигрывает схватку с ложью, которая носит модные одежды, произносит хорошие слова и все время кричит, что именно она - правда!

Оттого что Мячиков не смог доказать прокурору свою правоту и тот отпустил бандита, Николаю Сергеевичу хотелось лечь и уснуть навсегда, не выходя из кабинета. Он закрыл глаза и стал ждать конца. Но как-то не умиралось.

Федяев тоже не произносил ни слова. Он жалел Мячикова, который на старости лет свихнулся, а ведь какой был славный человек.

Когда Николай Сергеевич понял, что жизнь еще не кончилась и надо терпеть дальше, он нехотя открыл глаза и полез в карман за деньгами.

- Здесь недостающие восемьсот рублей!

- Я догадываюсь, - грустно улыбнулся Федяев. - Вам очень хочется остаться на работе, и поэтому вы вносите собственные деньги!

- Это не мои, честное слово! - Николай Сергеевич не лгал. Это были деньги Воробьева.

- Хорошо, не ваши... Но все-таки, не сдавайте их в банк!

- Значит, вопрос о моем уходе решен и я зря старался? - Мячиков еще больше постарел, что в его годы сделать было не так-то просто.

Федяев сочувственно кивнул:

- Николай Сергеевич, мне очень не хочется расставаться с вами, но если бы вы были на моем месте, то поступили бы так же.

- Нет, я так бы не поступил! - быстро сказал Мячиков.

- Это вам кажется. Простите меня, Николай Сергеевич!

И тогда Мячиков заговорил как человек, которому больше нечего терять:

- Вы мне все время не верите, Федор Федорович! А ведь это правда, что я ограбил инкассатора. Но это далеко не все. Грабеж инкассатора - детские игрушки. До этого я украл из музея картину Рембрандта, чтобы самому найти ее и таким образом укрепить свой авторитет следователя. Но в музее даже не заметили пропажи, и мне пришлось повесить картину на место! Я прошу вас завести на меня уголовное дело!

Федяев твердо помнил, что спорить с сумасшедшими бесполезно:

- Дорогой Николай Сергеевич! Украсть картину Рембрандта, а потом еще ограбить инкассатора -

работа невероятной сложности. Вы переутомились. Грабежи подорвали ваше здоровье. Вам следует отдохнуть.

- Конечно, - горько усмехнулся Мячиков. - Когда человек говорит правду, ему не верят! Но я стар, и я устал врать! Арестуйте меня!

Федяев не знал, как себя вести:

- Николай Сергеевич, мы достанем вам путевку в хороший санаторий!

Николай Сергеевич сказал с обидой:

- Ничего! Я найду на вас управу!

В это мгновение счастливая мысль осенила Николая Сергеевича, и он, положив восемьсот рублей на прокурорский стол, решительно двинулся к выходу:

- Деньги в банк сдадите сами!

Хлопнув дверью федяевского кабинета, Мячиков величаво миновал приемную, спустился вниз и окликнул дежурного милиционера, который, как обычно, читал Сименона:

- Петя! У тебя ключи от арестантской комнаты?

- У меня.

- Открой мне ее.

В прокуратуре имелась специальная комната, где содержались арестованные, которых привозили на допрос.

Милиционер отпер дверь. Николай Сергеевич вошел, хозяйски огляделся, сел на стул и приказал:

- А теперь, Петя, запри меня здесь!

- Зачем? - с любопытством спросил милиционер.

- Я арестован!

- За что это вас? - засмеялся милиционер.

- За грабеж! - кротко признался Мячиков.

- А где постановление об аресте? - продолжая улыбаться, спросил Петя, уверенный, что следователь шутит.

- Сейчас я его выпишу! - Мячиков расстегнул портфель, достал из него бланк и принялся заполнять.

Увидев, что Николай Сергеевич на самом деле вписывает в бланк свою фамилию, милиционер перепугался и побежал за Федяевым. Он влетел в кабинет начальника и с порога отрапортовал:

- Разрешите доложить, товарищ прокурор! Следователь Мячиков арестовал сам себя!

Глава двадцатая

- Завизируйте, пожалуйста! - Мячиков протянул Федору Федоровичу заполненный бланк.

Федяев стоял в дверях арестантской, с ужасом глядя на узника-добровольца.

- Не смотрите на меня так, - добродушно продолжал Николай Сергеевич, - я абсолютно нормален. Я более нормален, чем когда бы то ни было!

- Выйдите отсюда! Вы злоупотребляете служебным положением! - Федяев не знал, как образумить старика.

- Я не выйду отсюда до суда! - мягко сказал Николай Сергеевич.

Прокурор зашел в арестантскую и потянул Мячикова за рукав, намереваясь вытащить упряма силой.

- Рукоприкладство запрещено законом! - язвительно напомнил следователь, изо всех сил держась за спинку стула.

- Хорошо! - Федор Федорович махнул рукой. - Тогда сидите здесь сколько влезет! Только вы, Петя, не вздумайте его запирать!

- Испугали! - улыбнулся Мячиков. - Я могу сидеть и незапертым!

Так он и сидел в арестантской комнате. Дверь была не заперта, стражу не поставили, голову наголо не брили, тюремной одежды не выдали... Мячикову не нравилось, как он сидел!

Слух о небывалом происшествии мгновенно облетел всю прокуратуру. Время от времени в арестантскую заглядывали сотрудники и спрашивали у Мячикова, кто сочувственно, а кто насмешливо:

- Сидите, Николай Сергеевич?

- Сижу себе потихоньку! - отвечал Мячиков.

Наконец появился судебный психиатр.

- Вас я давно жду, Петр Ефимович! - приветливо встретил его заключенный.

Доктор дотошно осмотрел Николая Сергеевича и, к собственному удивлению, установил, что никаких отклонений от нормы в сторону сумасшествия у пациента нет!

Наступило обеденное время.

При виде сослуживцев, которые резво устремились в буфет, Николай Сергеевич почувствовал острый приступ голода. Сидеть-то он хотел, но объявлять голодовку не собирался.

Мячиков выглянул в коридор и позвал дежурного милиционера:

- Почему мне не несут обед?

- На вас у меня нет талонов! - ответил Петя.

- Но я хочу есть!

- Пойдите пообедайте, кто вам мешает? - посоветовал Петя.

Но Николай Сергеевич опасался, что если он покинет место предварительного заключения, то Петя воспользуется этим, запрет комнату и больше Мячикова в нее не впустит.

- Петя! - еще раз позвал Николай Сергеевич. - Если тебя не затруднит...

Когда милиционер подошел, Мячиков протянул ему рубль:

- Принеси мне, пожалуйста, обед! Только скажи им, что для меня. Тогда они мясо дадут без подливки.

- А компот брать? - мрачно спросил милиционер.

- Лучше кисель! - сказал арестант и добавил: - Учти, Петя, что я плачу за обед в первый и последний раз. В тюрьме всегда сидят бесплатно!..

Петя выполнил ответственное поручение, принес арестанту заказанный обед, и Мячиков с аппетитом принялся за еду.

Петя вздохнул и направился к своему рабочему месту, читать Сименона. По пути милиционера окликнул Воробьев:

- Где Мячиков?

- За решеткой, - показал Петя. - Обедает!

Услышав голос друга, Николай Сергеевич поспешно прикрыл дверь и запер ее изнутри на крючок.

Воробьев подбежал к двери арестантской комнаты и, как и предполагал Мячиков, с силой подергал ее. Но крючок держал крепко, и дверь не поддавалась.

- Что ты здесь делаешь, Коля? - страдальчески крикнул Валентин Петрович и ухватился руками за решетку окна.

- Сижу за решеткой в темнице сырой! - попытался шутить Мячиков. Он уже расправился с мясом и теперь приступал к киселю, сваренному из вишневого порошка. - Кто тебя вызвал на подмогу? Федяев?

- Зачем ты так поступил? - продолжал Воробьев.

- Помнишь, ты сам учил меня говорить только правду?

- Но всему есть предел!

- Для правды нет предела! - убежденно произнес Николай Сергеевич. - Я хочу остаться честным человеком. Я пошел преступным путем и должен понести наказание. Петя! - крикнул Мячиков, выглядывая в коридор. - Забери, пожалуйста, посуду.

- Но мы не сделали ничего плохого! - сказал Воробьев.

- Это тебе только кажется.

Сквозь прутья решетки Мячиков просунул грязные тарелки. Но для стакана отверстие было слишком узким. Открыть дверь при Воробьеве Мячиков не решился.

- Ладно, пусть стакан останется... - сказал он.

- Ну вот что, - решительно произнес Валентин Петрович после ухода Пети, -пусти меня! Я останусь с

тобой и разделю твою участь. Это будет справедливо.

- Нет, Валя, - в голосе Мячикова появилась непреклонность, - я этого тебе не позволю. У тебя семья. Иди, я посижу один! - Голос Мячикова дрогнул. - Передай привет Ане. Пусть она на меня не сердится!

- Зачем ты приносишь себя в жертву? - в отчаянии вскричал Воробьев. - Все равно ее никто не оценит.

- Я это делаю не для других, а для себя.

Воробьев понял, что уломать друга ему не удастся, и медленно двинулся к выходу.

Мячиков грустно смотрел ему вслед.

После ухода друга Мячикова посетил видение.

В нашей истории у Николая Сергеевича Мячикова были один кошмар, один несбыточный сон, одна галлюцинация и наконец-то...

Видение Мячикова

Мячикову привиделось, что его судят.

Суд происходил в Музее западной живописи, в рембрандтовском зале. Мячиков поднял глаза и мысленно поздоровался с Молодым человеком, изображенным на портрете. Молодой человек ему ответил, тоже мысленно.

- Продолжаем заседание суда! - сказал судья.

В качестве свидетеля была вызвана смотрительница музея. Она пылала негодованием:

- Подсудимый все выдумывает! Украсть картину из нашего музея невозможно. К каждой картине подведена сигнализация, в залах дежурят опытные смотрители. А то, что якобы можно снять картину Рембрандта и унести... Понимаете, унести самого Рембрандта, чтобы это никто не заметил, - наглая клевета на наш музей.

Мячикову показалось, что Молодой человек усмехнулся.

«Наверное, – подумал Мячиков, – он вспомнил диван в моей комнате и слесаря, который смотрел хоккей».

А судья вызвал Федяева. Федор Фёдорович передвигался на костылях и был забинтован весь с головы до ног.

– Сама мысль о том, что следователь может украсть, кощунственна, – говорил Федяев. – Следователи не крадут, а наоборот...

Защитив честь мундира, прокурор обратился непосредственно к подсудимому:

– Дорогой Николай Сергеевич! Вы мастерски провели дело о грабеже инкассатора! Зачем вам уходить на пенсию, вы ведь хотите остаться с нами?

– Хочу, но недостойн! – ответил нарушитель закона, который был принципиальным человеком.

– Ты достоин, Коля! – закричал из зала Воробьев.

– Вы достойны, Николай Сергеевич! – закричала из зала Анна Павловна.

– А почему вы такой перевязанный? – неожиданно спросил Мячиков.

– Бандитские пули, – ответил Федяев, – изрешетили меня всего! Я весь в дырках! Граждане судьи! – обратился он к суду. – Обвинение настаивает, что подсудимый никаких уголовно наказуемых деяний не совершал!

– Нет, совершал! – крикнул подсудимый.

– Он не совершал! – кинулся к судейскому столу верзила. – Это я отнял мешок! А он меня кормил сосисками!

– Подсудимый – честный человек! – теперь перед судейским столом предстала Анна Павловна. – Он почти святой! Николай Сергеевич, – повернулась она к Мячикову, – простите меня, что я посмела подумать о вас скверно. Я прошу вас на мне жениться!

Николай Сергеевич встал и торжественно провозгласил:

- Я согласен!

Неожиданный перелом в ход событий внес Валентин Петрович:

- Все, что рассказывал подсудимый, - правда! Только делал это не он, а я! Я стащил картину Рембрандта, и я ограбил инкассатора!

После этого Воробьев сел на скамью подсудимых и грубо сказал Николаю Сергеевичу:

- Уходи отсюда! Ты здесь лишний! Тебе пора на собственную свадьбу!

- Караул! - воскликнул судья.

Но Мячиков не хотел уступать. Старики пыхтели, сталкивали друг друга со скамейки. Воробьев уже оттеснил противника к самому краю.

- Товарищ Воробьев! - вмешался судья. - Займите свое место в зале.

- А мной не надо командовать! - сердито сказал Воробьев. - Меня судить надо!

- Не его, а меня! - запротестовал Мячиков, цепляясь за барьер, чтобы не упасть на пол, так как Воробьев продолжал толкаться. - Дайте мне наконец последнее слово!

- Делайте что хотите! - устало сказал судья.

- Граждане судьи! - Мячиков встал, а Воробьев, вольготно рассевшись на скамье подсудимых, милостиво добавил:

- Ладно, говори от нашего общего имени!

- Граждане судьи! - повторил Мячиков. - Старость - не радость. Человек в душе все равно остается молодым. Только, кроме него, этого никто не замечает. И нельзя, несправедливо списывать человека потому, что он стар годами.

Мячиков опять поглядел на Молодого человека. И показалось Мячикову, что тот с ним согласен.

Тут видение кончилось, потому что к комнате, где отсиживался Мячиков, подошел милиционер Петя и спросил:

- Николай Сергеевич, уже поздно. Вы здесь ночевать будете или домой пойдете?

Мячиков вернулся к действительности. Он встал и оглядел камеру. Здесь было неуютно и тоскливо.

Мячиков думал о том, что все равно ему не добиться справедливости, что все равно его не осудят, а выпихнут на пенсию. Он грустно вздохнул, откинул дверной крючок и вышел из арестантской.

Когда Мячиков покинул прокуратуру и очутился на улице, то увидел, что Воробьев не ушел домой, а терпеливо ждет друга, устало привалившись к спинке садовой скамейки. Рядом с Воробьевым пригорюнилась Анна Павловна.

У Николая Сергеевича защемило сердце.

Воробьев ничего не сказал, лишь улыбнулся - застенчиво и нежно. А взгляд Анны Павловны светился в темноте, излучая любовь и раскаяние.

Мячиков тоже заулыбался, растерянно и виновато. Он переводил взгляд с любимого друга на любимую женщину и с любимой женщины на любимого друга.

Воробьев и Анна Павловна поднялись со скамейки. Все трое пересекли улицу, свернули на темный, едва освещенный бульвар, медленно пошли по нему и скрылись вдали, уйдя из повести навсегда.

---

notes

Примечания

1

Стихи О. Уайльда.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
КИНЕМАТОГРАФ

Берегись автомобиля

Зигзаг удачи

Старики-разбойники

*Ирония судьбы,
или С легким паром*

Гараж

*О бедном гусаре
замолвите слово*

Почти смешная история

